

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Ч Т Е Н І Я

Д Л Я

МОСКОВСКИХЪ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХЪ РАБОЧИХЪ.

І В Ы П У С К Ъ.

В. Назаревского.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1902.

Дозволено цензурою. Москва, 17 августа 1902 года.

Красная площадь въ Москвѣ.

I.

Главнѣйшіе признаки современнаго могущества Россіи.—Русская Исторія объясняетъ намъ, какъ возникло и постепенно развивалось это могущество.—Особенно благоприятныя условія изученія Исторіи Россіи въ Москвѣ.—Значеніе Московскаго періода Русской Исторіи.

Русскимъ людямъ не свойственно величаться собою. Но пониманіе могущества своего Отечества, сознаніе его величія не представляетъ чего-либо предосудительнаго.

Россія—одно изъ величайшихъ въ свѣтѣ государствъ. Другіе народы, помимо насъ, причисляютъ ее къ немногимъ первостепеннымъ государствамъ міра.

Россія, по своему пространству, занимаетъ $\frac{1}{6}$ суши всего земнаго шара, или болѣе половины Европы и треть Азіи: 19.713,152 квадратныхъ версты материка съ его внутренними водами. Протяженіе ея отъ крайняго пункта на сѣверѣ, на Ледовитомъ океанѣ, до крайняго пункта

на югъ (на рѣкѣ Кундъ, на границахъ Афганистана), 3.401 версты. Протяженіе ея съ запада на востокъ составляетъ 10,000 верстъ. Достаточно сказать, что во владѣніяхъ Русскаго Царя солнце никогда не заходитъ: въ то самое время, когда на западѣ на Прусской границѣ, оно заходитъ и тамъ наступаетъ ночь, на Восточномъ океанѣ оно уже восходитъ, и здѣсь начинается день. Такимъ образомъ у Россіи по ея пространству нѣтъ соперницъ.

Вслѣдствіе этого Россія пользуется необычайнымъ разнообразіемъ климата (отъ жаркаго до холоднаго) и произведеній царствъ: минеральнаго, растительнаго и животнаго. У насъ есть все: и желѣзо и каменный уголь, и золото, и драгоценныя камни, и нефть, и цѣлебныя минеральныя воды. Растительность Россіи даетъ почти все, начиная съ полярныхъ мховъ и кончая не только виноградомъ и хлопкомъ, но и пальмами и чайнымъ деревомъ. Животное царство представляетъ у насъ не малое разнообразіе, почему Россія дѣлаетъ огромныя поставки за-границу по части драгоценныхъ мѣховъ, разнообразной рыбы и проч.

Чрезвычайно важно, что природныя богатства нашей страны не только неисощены, но во многихъ случаяхъ едва еще початы и потому представляютъ необозримое поприще для народнаго труда и всѣ средства для удовлетворенія своихъ нуждъ, почему мы можемъ существовать безъ помощи другихъ государствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Россія не нуждается въ приобрѣтеніи новыхъ земель и въ колонизаціонномъ выселеніи своего народа въ чужія земли, которое стало необходимымъ для государствъ Западной Европы, гдѣ земель мало и гдѣ все тяжелѣе становится отъ густоты населенія.

Особымъ образомъ выдѣляется Россія изъ Европейскихъ государствъ своимъ населеніемъ. Изъ 130.000.000

подданныхъ Русскаго Царя, 90.000.000 одной крови, одного языка и одной вѣры со своимъ Государемъ, между тѣмъ, какъ, напр., въ Великобританіи англичанъ всего 40.000.000, на 300.000.000 совершенно другого происхожденія подданныхъ, разбросанныхъ на далекихъ отъ Англіи пространствахъ.

Если Россія въ денежномъ отношеніи уступитъ нѣкоторымъ государствамъ запада, то все же ея земледѣліе, промышленность и торговля растутъ изъ года въ годъ, что доказывается ростомъ ея государственныхъ доходовъ, которые уже достигли 2 милліардовъ въ годъ, и за покрытіемъ государственныхъ нуждъ даютъ значительные остатки. Безъ сомнѣнія, при трудолюбіи народа и покровительствѣ государственной власти, наше земледѣліе, промышленность и торговля будутъ развиваться и далѣе. Особенно этому содѣйствуетъ быстрое развитіе у насъ желѣзно-дорожныхъ сообщеній. Вспомнимъ единственный въ мірѣ и строящійся подъ непосредственнымъ управленіемъ Государя Императора великій желѣзно-дорожный путь чрезъ Сибирь.

Просвѣщеніе Россіи путемъ быстрого умноженія школъ и разныхъ образовательныхъ учрежденій растеть изъ года въ годъ. Вступивъ на самостоятельный путь своего національнаго развитія, оно уже выставило не мало выдающихся представителей русскаго генія, какъ въ искусствѣ, такъ и въ наукѣ. Вамъ, конечно, извѣстны такія крупныя русскія имена, какъ—Пушкина, Гоголя, Глинки, Иванова (картина: явленіе Христа народу), Васнецова и многихъ другихъ представителей самобытнаго русскаго искусства, равныхъ представителямъ его у самыхъ образованныхъ народовъ запада. Не стану называть мало знакомыя вамъ имена представителей русской науки. Но, повѣрьте, что они свидѣтельствуютъ, что мы догоняемъ другіе образованные народы и въ дѣлѣ научныхъ познаній.

Россія, въ своемъ многочисленномъ и доблестномъ войскѣ, въ значительномъ флотѣ, представляетъ могучую военную силу, дающую намъ безопасность, сильную поддержку для нашихъ друзей и союзниковъ, внушающую страхъ врагамъ нашимъ и представляющую надежную опору справедливаго мира и для другихъ народовъ.

Но надъ всѣми этими силами русскими, какъ ея главный двигатель, стоитъ единственная во всемъ мірѣ Власть Царская. Ея неограниченная, самодержавная мощь отличаетъ еѣ отъ власти западныхъ государей, ограниченныхъ и стѣсненныхъ въ своихъ дѣйствіяхъ парламентами (собраніями депутатовъ отъ народа). По мощи своей, она равна власти древнихъ Римскихъ Цезарей-Императоровъ, но отличается тѣмъ, что имѣетъ для русскаго православнаго народа значеніе священное: это власть Помазанника Божія, Сердце Котораго въ руцѣ Божіей. И нашъ народъ, не вступаясь во власть Государеву, видитъ въ ней олицетвореніе своего историческаго національнаго духа.

Такова Россія въ ея настоящемъ положеніи. Но оно основано, какъ на фундаментѣ своемъ, на ея историческомъ прошломъ. Безъ знанія его мы не поймемъ, какъ произошли Русское государство и русскій народъ, какъ развились они и достигли настоящаго своего положенія, что помогало и что препятствовало имъ въ ихъ жизни?

На эти вопросы даетъ намъ отвѣты наша Отечественная Исторія.

Серьезное изученіе Россіи въ ея настоящемъ и прошломъ интересуется теперь и иностранцевъ. Но для чужихъ людей она больше всего исполинская машина, которая можетъ или выработать полезные для нихъ продукты, или раздавить ихъ. Для лучшихъ и наиболѣе образованныхъ изъ нихъ, она интересный предметъ изученія, какъ и другія могущественныя государства.

Для насъ же Россія не то: она для насъ святая родина, матъ наша родная, мы—дѣти Россіи. Она дала намъ жизнь, она вскормила и вырастила насъ. Она создала намъ то великое государство, подъ сѣнью котораго мы живемъ и дѣйствуемъ, которое бережетъ насъ и даетъ силы для нашего труда. Она даетъ свои завѣты Царю-Отцу нашему, какъ править его многомилліонными подданными, — Его величайшею Семьею. Она учитъ вѣрно-подданныхъ, какъ лучше выполнять свой долгъ, свои обязанности предъ Царемъ-Отцемъ и своимъ Отечествомъ. Можемъ ли мы съ холоднымъ любопытствомъ изучать, какъ иноземцы, свою родную Россію?

И прошлое Россіи должны изучать всѣ мы до единого: и тѣ, кто несутъ на себѣ тяжкое бремя правленія Россіи, и тѣ, кто въ скромной трудовой долѣ работаютъ у сохи или держать въ рукахъ своихъ топоръ и пилу, или кузнечный молотъ, или подбрасываютъ каменный уголь въ фабричную печь.

Не думайте, что величіе Россіи создалось легко и скоро. Оно создавалось тяжкимъ тысячелѣтнимъ трудомъ.

Ярославъ Мудрый умирая говорилъ сыновьямъ своимъ, чтобы они берегли Русскую землю и указывалъ на то, что отцы и дѣды ихъ стяжали ее своимъ трудомъ великимъ

Да тяжкимъ и страднымъ трудомъ, потомъ и кровью создавалось величіе и могущество Россіи. Много поту, слезъ и крови пролили государи наши вмѣстѣ со своими вѣрными подданными, чтобы изъ разрозненныхъ племенъ и удѣльныхъ княжествъ создать одно Русское государство, единый русскій народъ. Много костей своихъ пришлось московскимъ собирателямъ Руси положить непостыдно, чтобы свергнуть съ Руси татарское иго и возвести ее на степень Царства. Не мозолями только на рукахъ и на плечахъ, а тяжкимъ напряженіемъ всей своей

души, ума и воли возвелъ Петръ I свою Россію на степень Имперіи. Не ждите отъ русской лѣтописи, чтобы она утѣшала васъ одними радостными повѣствованіями. Многія страницы ея написаны слезами, а инныя горячею кровью, текшей изъ израненной груди правителей Россіи и ихъ подданныхъ.

Ваше особое счастье, что вы будете изучать исторію Россіи въ сердцѣ Москвы, на ея Красной площади, у подножія ея многовѣковаго Кремля, гдѣ стоитъ этотъ Историческій Музей.

Дѣло вотъ въ чемъ. Тысячу лѣтъ существуетъ Русское государство и три четверти этого времени, семь съ половиной вѣковъ, Москва была свидѣтельницей событій Русской исторіи, а изъ этого времени четыре вѣка (XIV, XV, XVI и XVII вѣка) Москва, какъ царствующій градъ, въ лицѣ ея государей, великихъ князей всея Руси и царей Всероссійскихъ, правила Россіей. Новгородъ, гдѣ возникло Русское государство былъ его столицей два десятка лѣтъ, Кіевъ, только два вѣка (X и XI-й и часть XII-го). Владиміръ имѣлъ значеніе нашей столицы только въ XII и XIII вѣкахъ; даже столица Имперіи Петербургъ, которому въ будущемъ году минетъ 200 лѣтъ съ основанія, правилъ Россіей лишь два вѣка. Заслуживаетъ вниманія, что Москва создала средину, сердцевицу Русской Исторіи. Она написала самую большую скрижаль нашей исторіи. Она создала и самую важную часть ея, выработавъ изъ раздробленныхъ удѣловъ единую Россію, выковавъ Русское Царство, закаливъ напѣвки національно-государственный духъ русскаго народа.

Само собой понятно, что нигдѣ въ Россіи не найдешь столько письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ Исторіи нашей, какъ въ Москвѣ. Многія ея лѣтописи, грамоты государей, разные государственные акты, и огромное количество всевозможныхъ историческихъ бумагъ, до

документовъ Отечественной войны 1812 года включительно, хранятся въ Москвѣ, въ ея великихъ и многочисленныхъ библіотекахъ, каковы: Патріаршая библіотека, архивы Министерства Иностранныхъ дѣлъ и Императорскаго Двора, Румянцевскій музей и архивъ Министерства Юстиціи и друг. Большинство русскихъ историковъ XVIII и XIX столѣтія собрали множество матеріаловъ для своихъ трудовъ именно въ Москвѣ. Здѣсь у насъ работали великій русскій исторіографъ Карамзинъ, Погодинъ, Соловьевъ и Бѣляевъ. Да и работаютъ у насъ и теперь В. О. Ключевскій, Д. И. Иловайскій, И. Е. Забѣлинъ и многіе другіе.

Но не одними письменными памятниками нашей исторіи богата Москва. Не богаче ли она вещественными памятниками, увѣковѣчивающими и событія и дѣятели исторіи? Правда сказано: „Москва въ своемъ составѣ вся сложена изъ памятниковъ своей исторіи. Ея Кремлевскія святыни, ея круговыя стѣны, каждое ея урочище, каждый храмъ, каждая улица и площадь хранятъ въ себѣ цѣлыя повѣсти о радостяхъ и печаляхъ этого средоточнаго города, объ его тревогахъ въ дни бѣды и общаго горя, общаго торжества, въ славные дни одолѣнія враговъ или избавленія отъ наступившей гибели (И. Е. Забѣлинъ)“.

Скажу, что почти половину Русской исторіи можно обозрѣть бѣгло по однимъ только надписямъ на гробницахъ, почіющихъ въ Москвѣ историческихъ дѣятелей. Начните свое путешествіе съ Данилова монастыря, гдѣ почитаютъ мощи сына св. Александра Невского, — основателя Московскаго княжества, Даниила Александровича и перейдите въ Кремль въ Архангельскій соборъ, затѣмъ въ Успенскій, Чудовъ и Вознесенскій монастыри и вы увидите здѣсь гробницы князей и княгинь, царей и царицъ, отъ временъ Іоанна Даниловича Калиты до Петра I вклю-

чительно, найдете мѣста упокоенія всероссійскихъ митрополитовъ и патріарховъ, начиная съ святителя Петра до послѣдняго патріарха Адріана.

Но этого мало; въ Москвѣ много громадныхъ и драгоценныхъ хранилищъ древностей, каковы: Оружейная палата, Патріаршая ризница, Историческій и Румянцевскій музеи, ризницы соборовъ и монастырей. Въ нихъ вы можете наглядно ознакомиться съ древне-русскимъ бытомъ, съ его одеждами, вооруженіемъ, утварью и съ другими принадлежностями государственнаго и домашняго обихода. Государь Императоръ и Государыня Императрица, въ недавнее Свое пребываніе въ Москвѣ, показали примѣръ того, какъ русскимъ людямъ слѣдуетъ знакомиться съ этими драгоценными и интересными собраниями русскихъ историческихъ древностей.

Въ рядѣ свѣтовыхъ картинъ, изъ исторіи Москвы, я покажу вамъ, въ быстрой смѣнѣ, что можно видѣть съ этой Красной площади и съ Кремлевскаго холма—вереницу нашихъ московскихъ историческихъ дѣятелей. Основанная Суздальскимъ княземъ Юріемъ Долгорукимъ въ началѣ XII вѣка, она до основателя московскаго удѣльнаго княжества Св. Данила Александровича не была даже стольно-княжескимъ городомъ. Но вотъ Іоаннъ Даниловичъ Калита, первый изъ собирателей Руси вокругъ Москвы, далъ ей значеніе обще-русское: потому что сталъ великимъ княземъ владимірскимъ и привлекъ сюда на жительство всероссійскаго митрополита Св. Петра. Вторая картина представляетъ вамъ внука Калиты великаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго, своей побѣдой надъ Мамаемъ на Куликовскомъ полѣ положившаго начало освобожденію Россіи отъ татарскаго порабощенія. Встрѣча иконы Владимірской Богоматери въ княженіе Василя Дмитріевича напоминаетъ намъ освобожденіе Россіи отъ страшнаго нашествія Тамер-

лана. Изображенія Іоанна III и изгнанія имъ ханскихъ пословъ изъ Грановитой палаты рисуютъ намъ могущество единодержавной Москвы. Картины покоренія Казани и Сибири, при первомъ Русскомъ Царѣ—Іоаннѣ Васильевичѣ IV, свидѣтельствуютъ, что Россія уже стала грозной силой для азіатскаго востока. Изъ періода смутнаго выступаютъ лики святѣйшаго патріарха Гермогена, своими грамотами поднявшаго Россію на освобожденіе ея отъ польскаго владычества, и князя Пожарскаго, положившаго своимъ вступленіемъ въ Кремль конецъ этому владычеству. Портреты двухъ царей изъ дома Романовыхъ Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича и патріарховъ Филарета Никитича и Никона напоминаютъ намъ новую эпоху въ Русской исторіи: въ царствованіе двухъ первыхъ представителей этой династіи разрушенная смутой Россія возродилась въ новой мощи и породила своего преобразователя въ лицѣ царевича Петра. Картина спуска имъ ботика въ скромную московскую Язу говоритъ намъ, что здѣсь у насъ зародился планъ Петра I утвердиться на моряхъ, завести русскій флотъ и войти въ близкія отношенія съ Западной Европой.

Изъ этихъ уже картинъ вы можете убѣдиться, какъ много видѣла эта Красная площадь, гдѣ вы слушаете это чтеніе, и этотъ Кремль, и вся Москва, и какъ много было сдѣлано для Россіи въ московскій періодъ ея исторіи, а также увидать, сколько можно узнать въ Москвѣ по части Русской исторіи. Еще разъ совѣтую вамъ почаще осматривать московскіе памятники и хранилища древностей. Начните это ознакомленіе съ Историческаго музея, дающаго пріютъ нашимъ чтеніямъ. Длинный рядъ залъ его наполненъ древностями Россіи, въ каменный и бронзовый вѣка ея, въ періодъ скифскій и эпоху переселенія народовъ, въ періоды новгородскій, кievскій, владимірскій и, наконецъ, московскій.

II.

Начало Русскаго государства. — Государства и народы западной, южной и сѣверной Европы, въ особенности славянскіе—въ пору возникновенія государственной жизни у насъ.—Страна, въ которой образовалось Русское государство.—Ея народы. — Бытъ восточныхъ славянъ. — Сказаніе объ учрежденіи Русскаго государства.

Наша начальная лѣтопись открывается слѣдующими словами: „се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда пошла есть Русская земля, и кто первѣе нача.... княжити.

ВѢДОУЩАЯ НАША ЗЕМЛЯ СТАЛА ЕСТЬ:

Начальная лѣтопись, по Лаврентьевскому списку.

И наше повѣствованіе о прошлыхъ вѣкахъ нашего отечества должно начать съ вопроса, откуда, т. е. съ какого мѣста и времени началось государство Русской земли, кто были первыми въ ней государями?

Короткій отвѣтъ на этотъ вопросъ таковъ: изъ земли восточныхъ славянъ, въ восточной половинѣ Европы, съ 862 года, т. е. со второй половины IX вѣка. Но прежде, чѣмъ дать отвѣтъ: кто первѣе у насъ началъ княжить, намъ должно посмотрѣть, что дѣлалось въ западной и восточной Европѣ въ это время, особенно у единоплеменныхъ намъ славянъ.

IX-й вѣкъ, когда основано было Русское государство, былъ примѣчательнымъ вѣкомъ для Западной Европы. Въ началѣ его всѣ небольшія германскія, или нѣмецкія

государства, путемъ завоеваній франкскаго короля Карла Великаго, соединяются въ одно цѣлое, обнимавшее почти всѣ владѣнія павшей въ IV вѣкѣ Западной Римской Имперіи. Этотъ Карлъ Великій, кромѣ единоплеменныхъ ему нѣмцевъ, подчинилъ себѣ и говорившія латино-римскимъ языкомъ населенія нынѣшней Франціи, Италіи и Испаніи, и часть западныхъ славянъ и, сознавая себя наслѣдникомъ Западной Римской Имперіи, принялъ изъ рукъ римскаго папы въ самомъ городѣ Римѣ императорскую корону. Но не прочна была его имперія: въ нее входило слишкомъ много разныхъ народовъ не-германскаго происхожденія, разныхъ языковъ, даже болѣе образованныхъ, чѣмъ нѣмцы. При его слабыхъ преемникахъ эта имперія быстро слабѣетъ и распадается: говорившія латино-римскимъ языкомъ страны, поглощая немногочисленныхъ нѣмцевъ, образуютъ романскія народности и государства: Франціи, Италіи, послѣ Испаніи. Сами нѣмцы образуютъ отдѣльные герцогства, едва признающія надъ собою власть германскаго короля. Западные славяне, жившіе по рѣкѣ Эльбѣ, по берегу Балтійскаго моря, въ поморьѣ (Померанія) и въ Средней Европѣ, почувствовали себя свободнѣе.

Посмотримъ, что въ это время происходило на югѣ Европы. Тамъ существовала Восточная Римская или Византійская имперія съ столицей Константинополемъ, или Цареградомъ, съ владѣніями на Балканскомъ полуостровѣ, въ нынѣшней южной Россіи, гдѣ на Таврическомъ полуостровѣ, по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, было много старинныхъ греческихъ колоній, въ южной Италіи и въ Малой Азіи. Къ IX вѣку эта прежде могущественная имперія ослабѣла, во-первыхъ, отъ внутреннихъ смутъ (борьба иконоборцевъ противъ православнаго почитанія иконъ и проч.) и, во-вторыхъ, вслѣдствіе завоеванія арабовъ, у которыхъ въ VII вѣкѣ появилась но-

вая религія Магомета, воинственные преемники котораго калифы, соединивъ въ своихъ рукахъ духовную и свѣтскую власть, стали очень могущественны и завоевали у византійскихъ грековъ Египетъ, Палестину, или Святую Землю, Сирію и Месопотамію. Въ это время у патріарховъ Константинопольскихъ начинается борьба съ римскими патріархами или папами. Послѣдніе незаконно присвоили себѣ на западѣ главенство надъ всѣми тамошними епископами и надъ всею западною церковью, сдѣлались свѣтскими государями въ Римѣ и его области и стали требовать, чтобы патріархи и епископы Восточной православной церкви подчинились имъ.

Какъ вслѣдствіе ослабленія Западной Римской имперіи почувствовали себя свободнѣе западные славяне, такъ вслѣдствіе ослабленія Восточной имперіи свободнѣе почувствовали себя южные славяне, съ Дуная растекшіеся по всему Балканскому полуострову до Македоніи и греческаго полуострова Мореи, каковы: болгары, сербы и хорваты.

У нихъ около того времени основываются государства, и начинается государственный порядокъ, государственная жизнь. У болгаръ являются свои князья, изъ которыхъ былъ могущественъ въ IX вѣкѣ князь Борисъ или Богорисъ; у сербовъ появляются свои князья въ лицѣ жупановъ. Не отстаютъ отъ южныхъ славянъ и славяне средней Европы: у жившихъ на среднемъ Дунаѣ паннонскихъ славянъ появляется въ это время свой князь Коцель; моравскіе славяне тоже основываютъ государство, и у нихъ въ IX вѣкѣ княжить могущественный Ростиславъ; у чеховъ княжилъ Буривой, у поляковъ, жившихъ на Вислѣ и Вартѣ, тоже развивается государственная жизнь и появляются свои князья изъ рода Пяста.

Но съ зарей государственной жизни для южныхъ сла-

вянь и для ихъ единоплеменниковъ въ другихъ странахъ Европы загорается и свѣтъ христіанства и неразрывно съ нимъ свѣтъ письменнаго и книжнаго просвѣщенія: въ юныя государства славянскія, какъ разъ во второй половинѣ IX вѣка, являются великіе апостолы и первоучители славянскіе, св. братья Кирилль и Меѳодій. Изучивъ съ дѣтства на родинѣ своей Македоніи славянскій языкъ, въ ту его пору, когда, по выраженію нашего начальнаго лѣтописца, „бѣ словенескъ языкъ единъ“ для всѣхъ славянъ, святые братья избобрѣтають для всего нашего племени славянскую азбуку—кириллицу, переводятъ съ греческаго языка Евангеліе и другія книги Священнаго писанія и книги православнаго богослуженія, полагая тѣмъ важное начало общеславянской письменности. Люди большой знатности, глубокіе ученые, равныхъ которымъ не могъ выставить тогдашній западъ Европы, они съ апостольской простотой проповѣдуютъ Христово ученіе славянамъ моравскимъ и паннонскимъ, разсылая своихъ учениковъ и въ Чехію, и въ Болгарію, и въ Польшу, которая тоже первоначально приняла кириллицу. Но намъ, восточнымъ славянамъ, хотя св. братья были и на нижней Волгѣ у хазаръ и въ Крыму, не суждено было слушать ихъ проповѣдь, и изъ рукъ ихъ пріять славянскую грамоту. Въ то время у насъ еще не было государства и государственнаго порядка, и мы уже по смерти первоучителей славянскихъ получили ихъ драгоцѣнную письменность.

Изъ средней Европы перейдемъ на ея сѣверъ.

На полуостровахъ Скандинавскомъ и Ютландскомъ жили племена германскаго происхожденія: шведы (по нашей лѣтописи, свеи), норвежцы (урмане) и даны. На западѣ ихъ называли норманнами (сѣверными людьми), у насъ и у грековъ варягами. Эти норманны обладали удивительною неустрашимостью и предпріимчивостью.

Изъ младшихъ братьевъ, которые не наслѣдовали отъ отцовъ земель, составлялись особыя дружины удалцевъ-витязей, добывавшія себѣ средства къ существованію войной. Они сами дѣлали себѣ лодки, выбирали себѣ морского короля, или викинга, и въ IX и X вѣкахъ совершали изумительныя плаванія по морямъ и рѣкамъ. Въ своихъ пѣсняхъ они пѣли, что вѣтеръ и бури гонять ихъ и несутъ туда, куда они сами хотѣли плыть. Они заселили Исландію и оттуда задолго до Колумба плавали къ берегамъ Америки; они появлялись и въ Сициліи, и въ Византіи, и даже въ Святой Землѣ. Они въ ту и послѣдующую эпоху завоевывали цѣлыя страны: долго владѣли въ Британіи; во Франціи они завоевали себѣ тотъ полуостровъ, который до сихъ поръ называется Нормандіей, покорили себѣ южную Италію и Сицилію. Съ ними-то много пришлось имѣть дѣла и нашимъ восточнымъ славянамъ.

Страна, въ которой жили они, и гдѣ образовалось Русское государство, составляетъ огромную равнину, ограниченную тремя горными хребтами: Карпатскимъ, Кавказскимъ и Уральскимъ и четырьмя морями: Балтійскимъ моремъ, Ледовитымъ океаномъ, Чернымъ (вмѣстѣ съ Азовскимъ) и Каспійскимъ морями. Только въ срединѣ эта равнина поднимается въ видѣ плоской возвышенности, высшій подъемъ которой называется Алаунской плоской возвышенностью. Отсюда берутъ свое начало самыя большія рѣки Россіи, направляющіяся по склонамъ къ тремъ морямъ: Днѣпръ—къ Черному, Волга—къ Каспійскому, Западная Двина—къ Балтійскому. Черезъ Волховъ и Ладожское озеро этотъ центръ страны связывается при посредствѣ Сѣверной Двины съ водной системой Вѣлаго моря. Рѣки представляли да и теперь представляютъ прекрасныя пути, связующіе окраины съ центромъ этой равнины, дающей прекрасныя условія для образованія на

РОССІЯ ВЪ IX ВѢКѢ.

Изъ атласа Древней Русской Исторіи М. П. Погодина.

ней одного государства, для расселенія одного великаго народа.

Не стану вамъ рассказывать, какъ, по описанію греческаго историка Геродота, жили здѣсь еще до Рождества Христова скиѣы и другіе народы. Со скиѣскими курганами можно будетъ послѣ познакомиться, особенно при помощи богатыхъ собраній скиѣскихъ памятниковъ въ нашемъ Историческомъ музеѣ. Пройду молчаніемъ и жившихъ здѣсь въ IV вѣкѣ остготовъ и аланъ, покоренныхъ пришедшими изъ Азіи гуннами.

Въ IX столѣтіи, когда возникло Русское государство, главными поселенцами этой страны были славяне, пришедшіе сюда изъ Прикарпатской, а по сказанію нашей начальной лѣтописи изъ Придунайской страны. У озера Ильменя и по Волхову жили словене; по Западной Двинѣ и верхнему Днѣпру—кривичи; часть ихъ называлась полочанами, рѣчки ради Полоты; отъ Березины до Припяти—дреговичи; между Днѣпромъ и Сожью—родимичи; по Днѣпру отъ Десны до Сулы—сѣверяне; по Днѣпру до Роси—поляне; по Припяти, Горыни, Случу и Тетереву—древляне; по Западному Бугу—волыняне (бужане, дулѣбы), въ степяхъ черноморскихъ отъ Днѣпра до Дуная—уличи и тиверцы; въ горахъ Карпатскихъ—хорваты; самымъ сѣверо-восточнымъ славянскимъ племенемъ были вятичи, жившіе по Окѣ.

Сосѣдями славянъ по Нѣману и Западной Двинѣ были близкіе къ славянамъ по языку и происхожденію литовцы (литва, жмудь, пруссы, летгола, или латыши). Сѣверъ и сѣверо-востокъ занимали финны (чудь—въ Эстляндской губерніи, водь въ Петербургской, весь—на Вѣломѣ, Озерѣ, меря—въ Московской и Владимірской, мурома—на Окѣ, мещера, черемисы, мордва—по Волгѣ). Отъ Волги до Урала жили зыряне (Пермь или Біармія). На нижней Камѣ жило тюркское, очень торговое племя

болгары. Между Дономъ и Волгой жили хазары, народъ тоже тюркскій и торговый. Ихъ правители-коганы исповѣдывали еврейскую вѣру, столицей ихъ былъ городъ Итель на устьяхъ Волги.

Быть восточныхъ Славянъ въ IX вѣкѣ нельзя представлять себѣ бытомъ дикарей, пользующихся каменными орудіями: топорами, ножами и стрѣлами, выдѣланными изъ камня. Въ это время они уже не были и кочевниками, употреблявшими бронзовые орудія: они жили осѣдло и строили не шалаши, а дома и имѣли нѣсколько городовъ. Главный капиталъ ихъ состоялъ не въ стадахъ и табунахъ, а хозяйство ихъ было основано на обработкѣ земли. Объ однихъ древлянахъ лѣтопись говоритъ, что они „живяху звѣринскимъ образомъ“, т.-е. занимаясь звѣроловствомъ, охотой, были грубы въ своихъ нравахъ, но и о нихъ же лѣтопись прибавляетъ, что они „дѣлають нивы своя и земли своя“. Страны, въ которыхъ приходилось жить и пахать славянамъ, были лѣсныя, поэтому у нихъ развиваются и лѣсные промыслы: охота за пушными звѣрями—куницами, горностаями, соболями, лисицами и друг., пчеловодство, плотничное ремесло, въ особенности дѣланіе лодокъ. Кіевскій князь Святославъ, желая поселиться на Дунаѣ, говорилъ: „хочу жити въ Переславцѣ на Дунаѣ, яко ту есть середѣ земли моеи, яко ту вся благая сходятся“. Перечисляя далѣе все привозимое туда изъ Греціи и Рима и разныхъ странъ, прибавляетъ: „изъ Руси же скоро (шкуры мѣховыя), медъ, воскъ и невольники“. Это уже другая сторона хозяйственной жизни славянъ — торговля. Она велась по двумъ великимъ воднымъ путямъ: одинъ велъ отъ „варяговъ въ греки“, чрезъ Балтійское море, Неву, Ладожское озеро, Волховъ, Ильмень, Ловатъ, затѣмъ Днѣпръ, въ Черное море, къ самому Цареграду. Другой—изъ того же Бал-

тійскаго моря, при посредствѣ разныхъ рѣкъ, въ Волгу, оттуда въ Каспійское море въ Персію и къ Арабамъ. О размѣрахъ торговыхъ оборотовъ мы можемъ судить по множеству большихъ монетныхъ кладовъ VIII и IX вѣковъ, находимыхъ въ областяхъ нашихъ великихъ рѣкъ. Напр. у Великихъ Лукъ найденъ былъ кладъ, оцененный въ 7 тысячъ руб. Возможность зарыть въ одномъ кладѣ столько цѣнностей показываетъ, что торговля велась и большими капиталами.

Торговля въ это время сильно кипѣла въ Новгородѣ, куда стекались варяжскіе купцы, и оттуда славянскіе купцы, въ родѣ былиннаго Садка, богатаго гостя, плавали, какъ сказывается въ былинѣ о немъ, съ Волхова въ Ладожское озеро, а съ Ладожска въ Неву-рѣку, а съ Невы-рѣки въ сине-море. Огромными караванами спускались лодки-однодеревки по Днѣпру, мимо Смоленска къ Кіеву, нагруженные товарами. Отъ Кіева, миновавъ днѣпровскіе пороги, спускались въ Черное море, гдѣ славяне торговали и съ крымскими греками, и съ Малой Азіей, и съ самимъ Царь-городомъ. Отсюда шли обратно, размѣненные на дорогѣ мѣха, медъ, воскъ и невольниковъ, золотыя издѣлія, шолковыя ткани, вино, кольчуги и панцири и другое оружіе. Съ запада приходили къ намъ другіе товары, какъ серебряныя издѣлія, кони и проч.

Занимаясь охотой, земледѣліемъ и торговлей, славяне отличались мирнымъ характеромъ, не составляя, какъ народы германскіе, постоянныхъ военныхъ дружинъ, оставлявшихъ весь хозяйственный земледѣльческій трудъ на рукахъ женщинъ и рабовъ и обращававшихъ войну и завоеванія въ постоянное свое ремесло. Но миролюбіе славянъ не лишало ихъ храбрости. Въ случаяхъ нападенія враговъ они мужественно защищали свои земли и жилища. Однако это миролюбіе, а особенно разьединеніе восточныхъ славянъ на отдѣльныя племена, раздоры

среди нихъ, показывавшіе отсутствіе государственнаго порядка, дѣлали ихъ слабыми, и они должны были подчиняться своимъ болѣе воинственнымъ сосѣдямъ. Жившіе на сѣверѣ славяне и кривичи платили вслѣдствіе этого дань варягамъ, а южные, какъ поляне и сѣверяне — хазарамъ.

Не должно представлять себѣ восточныхъ славянъ IX вѣка въ видѣ какихъ-то разсыпчатыхъ массъ, не связанныхъ никакими союзами. У нихъ были родовые союзы, соединеніе родственныхъ семействъ. Каждый родъ жилъ особо, сообща владѣя землями и другимъ имуществомъ, управляясь своими старшими въ родѣ, имѣвшими власть надъ своими сородичами. Но родовое начало у славянъ не такъ сильно развилось, какъ, напримѣръ, у евреевъ, въ ихъ колѣнахъ, или у римлянъ въ ихъ куріяхъ и трибахъ. Къ роду славяне принимали и чужихъ сосѣднихъ людей, давая имъ права владѣнія и участіе въ выборѣ старшинъ. Такимъ образомъ, возникли управлявшіяся сходами своихъ старшинъ общины или верви; изъ такихъ общинъ слагались волости. Изъ этихъ близкихъ по роду своему волостныхъ населеній слагались племенные союзы (полянъ, древлянъ, сѣверянъ и т. д.). Въ этихъ племенныхъ союзахъ имѣли большое значеніе города, какъ племенные центры: Новгородъ у ильменскихъ словенъ, Смоленскъ и Полоцкъ у кривичей, Кіевъ у полянъ, Черниговъ у сѣверянъ, Искоростень у древлянъ. Эти большіе племенные центры господствовали надъ меньшими: городамъ подчинялись волости не только одноплеменные, но и инородческія, какъ, напр., новгородцамъ подчиняются финскія волости веси, мери и друг.

Что же мы видимъ въ городскихъ обществахъ предъ временемъ основанія общегосударственнаго союза племенъ? Мы видимъ здѣсь разслоеніе населенія на два

класса: младшихъ и старшихъ людей (старцы градствіи), выдѣлявшихся изъ общей массы и родовитостью или дородствомъ, и земельнымъ, и торговымъ богатствомъ. Изъ этого класса выдѣляются и отдѣльныя лица, на что указываетъ вліяніе въ Новгородѣ предъ временемъ призванія Рюрика Гостомысла, подавшаго объ этомъ совѣтъ новгородцамъ. Изъ подобнаго рода людей, вѣроятно, выходили и племенные князья въ родѣ Мала древлянскаго и Рогвольда у полочанъ. Это уже—носители государственной монархической власти. Но рядомъ съ такимъ стремленіемъ къ устроению монархическаго государства проявлялось у восточныхъ славянъ народовластіе на вѣчахъ городскихъ. Лѣтопись говоритъ объ этихъ большихъ, по сравненію со средними въ общинахъ (вервяхъ), вѣчахъ, что „новгородцы бо изначала и смольняне и кыяне и полочане и вся власти (волости), яко же на думу, на вѣча сходятся, на что же старѣйшіе сдумаютъ, на томъ же пригороды стануть“.

Но все, что устраивалось у восточныхъ славянъ ихъ родовыми начальниками, сходками на вервяхъ, и въ волостяхъ, на вѣчахъ въ городахъ, что дѣлалось старцами и даже племенными начальниками—князьями было слишкомъ плохо. Славяне, при единствѣ языка, при общности земледѣльческихъ, торговыхъ и промысловыхъ занятій, при обширной и богатой землѣ, не въ силахъ были объединить отдѣльныхъ племенъ въ одинъ народъ, не могли даже отстоять свою независимость отъ своихъ сосѣдей, и что главное не могли установить у себя внутренняго порядка, внутренней безопасности и правды. Лѣтопись рисуетъ коротко, но ясно всю анархію, господствовавшую въ IX столѣтіи у славянъ: „брали дань варяги изъ-за моря на чуди, словенахъ (новгородскихъ), мери, веси, на кривичахъ; а хазары брали на полянахъ, сѣверянахъ, радимичахъ и вятичахъ, брали по горностаю и

бѣлѣ отъ дыма. Далѣе подъ 862 годомъ лѣтописецъ говорить, что племена, платившія дань варягамъ, изгнали ихъ за море, не дали имъ дани и начали сами у себя владѣть. Но владѣли дурно, не могли установить внутренняго порядка: „не было у нихъ правды“, продолжаетъ лѣтописецъ, „всталъ родъ на родъ, начались усобицы“. Не было правды, т.-е. безпристрастнаго рѣшенія споровъ; не было у нихъ устава, который бы всѣ согласились исполнять; не было власти, которая бы принудила ослушниковъ къ исполненію принятаго устава. Словене, кривичи и финскія племена не нашли возможнымъ, какими либо измѣненіями въ устройствѣ своего вѣча или народо-властія, установить у себя государственнй порядокъ и рѣшились обратиться къ устройенію у себя монархическаго порядка, къ передачѣ Верховной Власти надъ собою Государю. Собравшись на общее совѣщаніе, эти племена порѣшили такъ: „поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ по праву“. Они отправили пословъ за море къ дружественному племени,—варягамъ — руси и наказали своимъ уполномоченнымъ передать имъ слѣдующія слова: „земля наша велика и обильна, но порядку въ ней нѣтъ: приходите княжить и владѣть нами“.

Это было въ 862 году. Приглашеніе было принято княжескимъ родомъ, во главѣ коего стоялъ Рюрикъ, съ двумя братьями, Синеусомъ и Труворомъ. Онъ взялъ съ собою въ новооснованное государство, кромѣ этихъ своихъ братьевъ, весь свой родъ,—князей сущихъ подъ рукою его и великихъ и свѣтлыхъ бояръ, составлявшихъ его старшую дружину и тѣхъ, кто были дружинниками младшими.

Такимъ образомъ, Рюрику и его потомству вручена была Верховная Власть словенами, кривичами и всею надъ самими собою. Они первые составили Русское государство, обязались подчиняться уставамъ, суду и

управленію Государя—князя. Государь, устанавливая власть и порядокъ государственный, судъ и расправу, становился и защитникомъ своихъ подданныхъ отъ внѣшнихъ враговъ—вождемъ вооруженныхъ силъ. Скоро родъ Рюрика подчинилъ себѣ и остальные племена восточныхъ славянъ, введя ихъ въ единое Русское государство, составивъ изъ нихъ одну Русскую землю, одинъ Русскій народъ.

Глубже всматриваясь въ исторію происхожденія Русскаго государства, мы видимъ, что оно въ своемъ началѣ не похоже на западно-европейскія государства. Тѣ основаны были тоже пришельцами, среди чужихъ имъ племенъ, но не по добровольному ихъ призванію, а завоеваніемъ. Приходили римскіе легіоны въ Галлію, Германію, Британію, Иберію или Испанію, силой оружія покоряли себѣ мѣстные народы, дѣлали ихъ римскими подданными, вводили у нихъ римское управленіе. То же было и съ германцами: приходили они военными дружинами, съ своими герцогами и королями во владѣнія Западной Римской Имперіи и, покоривъ силою мѣстные народы, обращали ихъ въ своихъ подданныхъ и устанавливали у нихъ свои германскіе порядки.

Знаемъ мы на западѣ случай добровольнаго призванія государей изъ чужой страны, именно въ Британіи. Здѣсь бриты, когда отъ нихъ были отозваны въ Римъ его легіоны, стали подвергаться нападеніямъ воинственныхъ пиктовъ и скоттовъ. Не будучи въ силахъ справиться съ ними, они для отраженія ихъ послали за море пословъ звать англо-саксовъ съ ихъ королями Гентингомъ и Горзой, чтобы они защитили ихъ, обязуясь подчиняться ихъ власти въ землѣ своей. Тѣ пришли къ нимъ, но отразивъ пиктовъ и скоттовъ, покорили бритовъ и остались навсегда властвовать надъ ними.

III.

Что было бы, если бы восточные славяне не основали въ IX вѣкѣ своего государства?—Княженіе Рюрика.—Олеги, включеніе имъ въ составъ Русскаго государства другихъ восточныхъ славянъ.—Его походъ на Византію и договоры съ греками.— Смерть Олега.

Въ прошлый разъ мы окончили наше чтеніе словами о добровольномъ призваніи славянами новгородскими и кривичами, вмѣстѣ съ нѣкоторыми финскими племенами, Государя, въ лицѣ Рюрика, въ 862 году, и въ этой добровольности отмѣтили отличіе происхожденія Русскаго государства отъ возникновенія западныхъ—романо-германскихъ

Новгородъ. Торговая сторона.

государствъ, основанныхъ путемъ завоеванія,—отличіе, которое отразилось и на дальнѣйшемъ ходѣ нашей исторіи, во всѣхъ отношеніяхъ нашего народа къ нашему государству, къ Верховной въ немъ Власти.

Теперь мы перейдемъ къ объясненію значенія этого важнѣйшаго, основного факта нашей исторіи. Подумайте, что случилось бы съ восточными славянами, если бы у нихъ во второй половинѣ IX вѣка не пробудился здравый государственный смыслъ, и они не пришли бы къ рѣшенію найти себѣ князя—государя, который бы владѣлъ ими и судилъ ихъ по праву, т.-е. если бы они не учредили у себя государства? Отвѣтъ на это заключается въ тѣхъ словахъ нашей начальной лѣтописи, коими характеризуется до-государственное житіе нашихъ предковъ. При ихъ племенномъ вѣчевомъ укладѣ продолжались бы та же неправда и тѣ же усобицы, которыя дѣлали ихъ слабыми, и ихъ великую и обширную землю жертвой завоеваній сосѣдей. Надъ сѣверными изъ славянскихъ племенъ господствовали бы германцы—норманны, надъ южными, какъ полянами, сѣверянами, вятичами, родимичами, хазары и другія азіатскія племена.

Но при чуждой власти завоевателей въ нашей великой и обильной землѣ, съ теченіемъ времени, племена восточныхъ славянъ могли бы утратить и самый свой языкъ и племенные особенности и вполне слиться съ своими завоевателями, какъ то случилось съ нѣкоторыми изъ западныхъ славянъ. Полабскіе славяне, сербы лужичскіе, бодричи, лютичи и поморяне, не образовавшіе своихъ самостоятельныхъ государствъ, будучи покорены нѣмцами, утратили всѣ черты своего славянства, были онѣмечены, а ихъ славянскіе города до сихъ поръ носятъ нѣмецкія имена: Липецкъ называется Лейпцигомъ, Бранный Боръ — Бранденбургомъ, Щетинъ — Штеттинъ и т. д.

Прочное же установленіе на югѣ азіатскаго государства хазарскаго, печенѣжскаго, половецкаго, вмѣсто славяно-русскаго, сдѣлало бы и всю Европу доступною для вторженій азіатскихъ народовъ. Между тѣмъ созда-

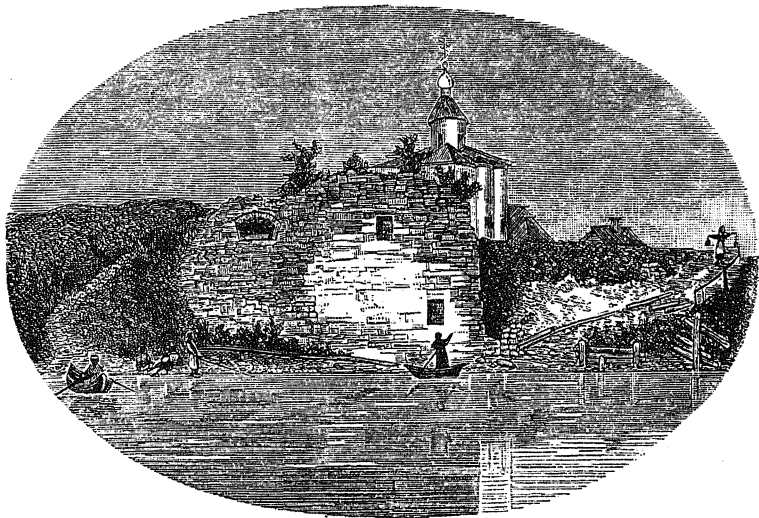
ніе и существованіе Русскаго государства на рубежѣ Европы и Азіи поставили крѣпкій оплотъ и защиту для всѣхъ европейскихъ народовъ: „мы искупили, говоритъ Пушкинъ, своею кровью Европы честь, свободу миръ“.

Переходя къ изложенію исторіи государственнаго правленія первыхъ князей, которые по происхожденію своему изъ племени Руси, дали названіе новому государству, сложившемуся у восточныхъ славянъ, Русскаго государства, мы должны рѣшить еще вопросъ: почему славяне не выбрали изъ своей среды, а рѣшили найти себѣ князя на сторонѣ.

На этотъ вопросъ должно отвѣтить: вражда родовъ и общинъ у славянъ и кривичей была такъ велика и привычка къ безнарядю такъ сильна, что трудно было избрать такого своего князя, который былъ бы любъ всѣмъ враждующимъ родамъ и общинамъ и который былъ бы въ силѣ подняться надъ привычными безпорядками до твердаго и сильнаго порядка, до суда праваго и безпристрастнаго. Враждующія стороны обыкновенно ищутъ себѣ третейскаго судью среди людей, стоящихъ внѣ распрей.

О первомъ князѣ Рюрикѣ мы знаемъ мало. Приплывъ по Варяжскому морю въ Неву и Ладожское озеро, онъ при впаденіи въ него рѣки Волхова закладываетъ въ Ладогѣ крѣпость (Кремль), до сихъ поръ слывшую подъ именемъ Рюриковой, и отсюда начинаетъ княжить и владѣть у призвавшихъ его на государство племенъ; своему брату Синеусу даетъ городъ Вѣлозерскъ, (у веси) и Трувору—Изборскъ (у кривичей). Но они имѣли значеніе князей, какъ говоритъ договоръ Олега съ греками, сущихъ подъ его рукою, какъ бы удѣльныхъ; самъ же Рюрикъ среди нихъ является главнымъ или великимъ княземъ. Вѣдь, славяне рѣшились искать себѣ не троихъ князей, а одного; они сказали: „поищемъ себѣ князя, ко-

торый бы владѣлъ нами и судить по праву“. Если же изъ племени варяговъ — руси избрались три брата, то это зависѣло отъ ихъ строя и отъ ихъ обычая, а не

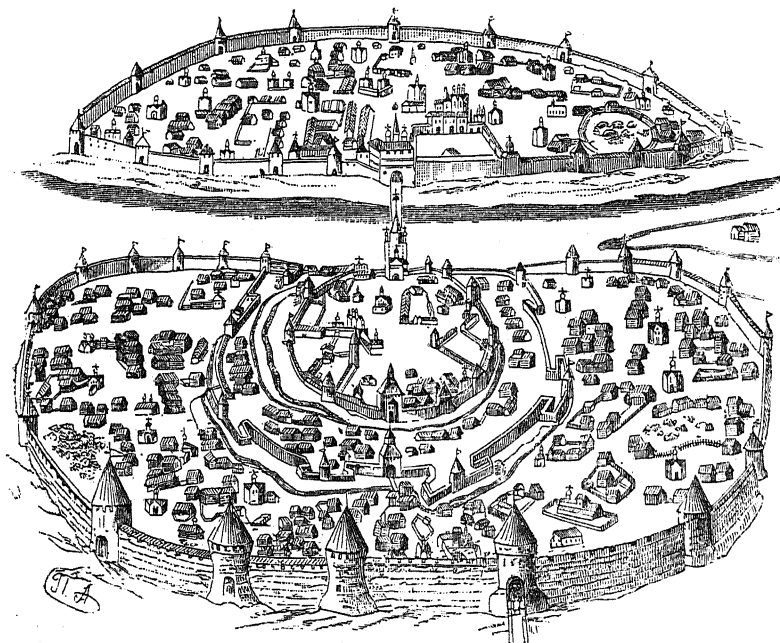
Крѣпость въ Старой Ладогѣ.

отъ тѣхъ племенъ, кои рѣшились учредить у себя государство, основанное на единовластїи одного государя.

Чрезъ два года, въ 864 году, умираютъ Синеусъ и Труворъ, и Рюрикъ, оставшись одинъ княземъ, перешелъ въ Новгородъ, гдѣ срубилъ, какъ въ Ладогѣ, городъ или крѣпость, и сталъ раздавать въ управленіе города своимъ старшимъ дружинникамъ, или „мужамъ“, отъ коихъ отличались младшіе дружинники, именовавшіеся отроками. Подобное дѣленіе на старшихъ и младшихъ было и среди горожанъ, гдѣ, какъ вы знаете, были выдающіеся своимъ положеніемъ „старцы градскіе“ и молодшіе люди. Но выдающіеся по своему положенію мужи въ дружинѣ князей, старцы градскіе и мужики въ селеніяхъ могли быть, по возрасту, молоды, тогда какъ отроки могли быть стариками по лѣтамъ. Такіе-то мужи княжеской дружины назывались свѣтлыми боярами, и имъ Рю-

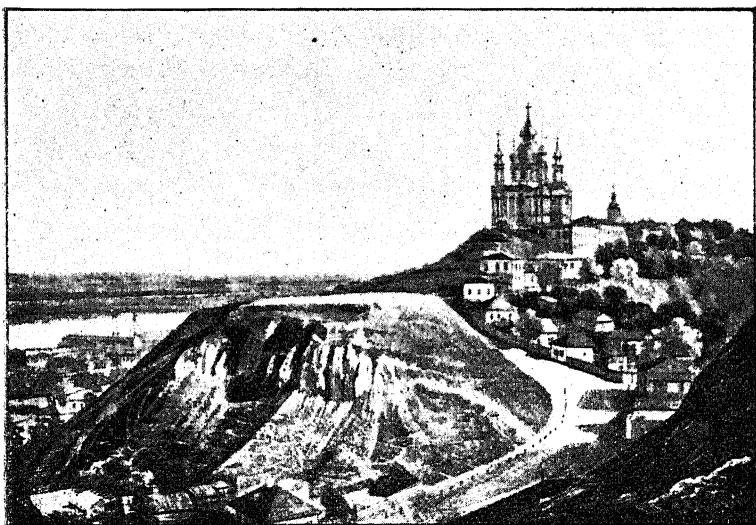
рикъ сталъ раздавать въ управленіе города: одному далъ Полоцкъ (у кривичей), другому Ростовъ (у мерянь), третьему Бѣлоозеро (у веси).

Планъ Новгорода съ иконы XII вѣка.

Но среди дружины Рюрика оказались недовольные. Изъ нихъ двое мужей, неродныхъ ему, по имени Аскольдъ и Диръ, не получивъ намѣстничества въ городахъ, пользуясь свободой ухода изъ дружины, отпросились у государя идти въ Царь-градъ на службу, пошли съ родомъ своимъ по великому водному пути изъ варягъ въ греки и по Днѣпру доплыли до Кіева въ землѣ миролюбивыхъ полянъ. Увидавъ на горѣ на правомъ берегу городокъ, они спросили у тамошнихъ полянъ, чей онъ? Тѣ отвѣчали, что были три брата Кій, Щекъ и Хоривъ съ сестрой Лыбедью, построили этотъ городъ и перемерли, а потомки ихъ платятъ дань хазарамъ. Аскольдъ и Диръ не велѣли платить эту дань и стали княжить въ

Кіевѣ. Существуетъ преданіе, что сюда еще до основанія города приходилъ апостолъ Андрей и на одной горѣ водрузилъ здѣсь крестъ и предсказалъ, что на горахъ кіевскихъ возсіяетъ благодать Божія и что здѣсь будетъ построенъ славный городъ, въ которомъ будетъ много христіанскихъ храмовъ. Одна изъ кіевскихъ мѣстностей въ

Храмъ Св. Андрея Первозваннаго въ Кіевѣ.

память Щека называлась Щековицей, а другая Хоревцею, а небольшая тамошняя рѣчка называлась Лыбедью. Около Кіева, на Днѣпрѣ, была большая стоянка для судовыхъ каравановъ, шедшихъ изъ варягъ въ греки.

Но безпокойные Аскольдъ и Диръ очень не долго оставались въ Кіевѣ; они снарядили походъ на Византію, или Царь-градъ.

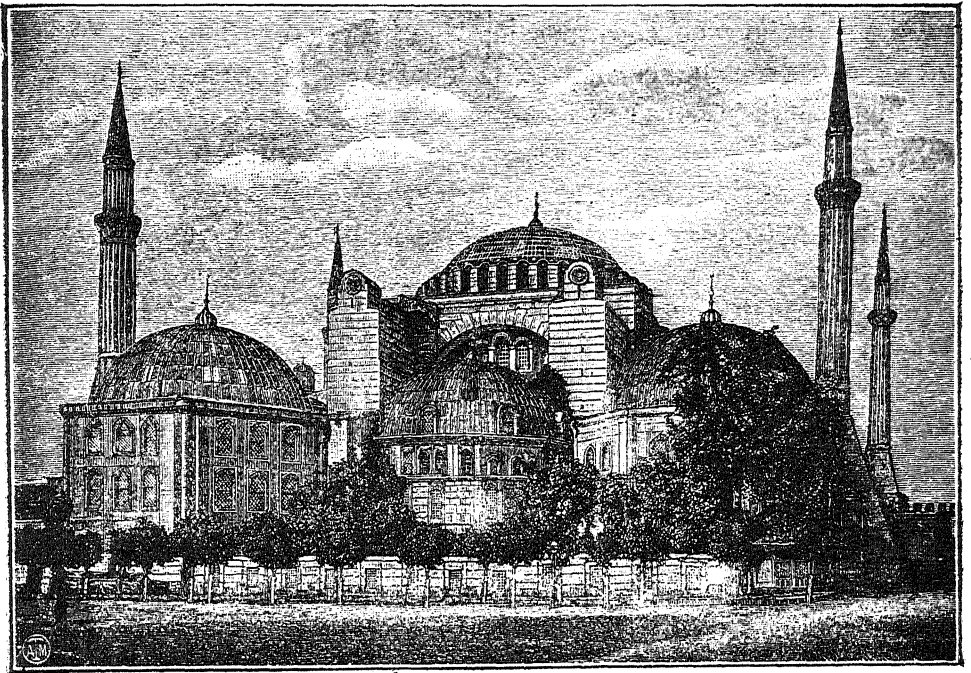
Въ это время тамъ царствовалъ императоръ Михайль ІІІ, ушедшій какъ разъ тогда въ Малую Азію, въ походъ противъ Арабовъ или Сарацинъ. Патріархомъ Константинопольскимъ былъ знаменитый Фотій, отправившій къ славянамъ первоучителей Св. Кирилла и Меѳодія и

начавшій споръ съ папами, кои незаконно присвоили себѣ главенство надъ западными епископами.

Цареградъ имѣетъ слишкомъ большое значеніе въ нашей исторіи, чтобы насъ не познакомить съ этимъ знаменитымъ городомъ въ пору перваго похода русскихъ къ его стѣнамъ при Аскольдѣ и Дирѣ.

Основанный императоромъ Константиномъ Великимъ въ IV вѣкѣ, на развалинахъ древней греческой колоніи Византіи, онъ сталъ столицей Восточной Римской имперіи подъ именемъ Константинополя. Его мѣстоположеніе было необыкновенно счастливо: онъ лежитъ на рубежѣ двухъ частей свѣта—Европы и Азіи, между морями Чернымъ и Мраморнымъ, у самаго Константинопольскаго пролива, или Босфора Тракійскаго. Этотъ проливъ, извиваясь змѣею между гористыми берегами, покрытыми широколиственными каштанами, пирамидальными кипарисами и красивыми кедрами, соединяетъ оба моря.

Тамъ, гдѣ проливъ сливаетъ свои воды съ водами Мраморнаго моря, онъ выдѣляетъ изъ себя заливъ, далеко врѣзывающійся въ европейскій берегъ. Этотъ длинный, узкій и загнутый заливъ, напоминающій бычій рогъ, получилъ названіе Золотого Рога. Полуостровъ или уголь, омываемый съ одной стороны Мраморнымъ моремъ, Золотымъ Рогомъ и проливомъ и есть то мѣсто, на которомъ раскинулся чудный Цареградъ. Онъ, какъ и древній Римъ, расположенъ на семи холмахъ. Холмъ, залегающій на оконечности полуострова, есть главная часть города, или Цареградскій Кремль. Онъ весь былъ занятъ великолѣпными царскими дворцами, украшенными разноцвѣтными мраморами и мозаиками; дворцы соединялись между собою особыми колоннадами; посреди раздѣлявшихъ зданія площадокъ стояли храмы и часовни, а вблизи ихъ статуи изъ бронзы и мрамора. Дворцовыя зданія начинались отъ самаго Мраморнаго моря.

Храмъ Св. Софїи въ Константинополѣ.

Главнымъ святилищемъ въ Цареградѣ былъ громад-
ный храмъ Св. Софїи или Премудрости Божіей. По-
строенный Юстиніаномъ Великимъ (славяниномъ по
происхожденію), храмъ этотъ представлялъ величествен-
ное и исполненное красоты зданіе. Въ немъ были столбы
изъ разноцвѣтнаго мрамора; стѣны были облицованы
плитами разныхъ цвѣтовъ, или покрыты художествен-
ными изображеніями; а своды—вызолочены. Алтарь отдѣ-
лялся отъ остального храма 20 столбами, покрытыми се-
ребромъ, Престоль, подъ стѣною на 4-хъ столбахъ, былъ
сдѣланъ изъ золота и серебра и украшенъ жемчугомъ и
драгоценными камнями. Помость вокругъ престола былъ
выложенъ золотыми листами. Горнее мѣсто для патріарха
было сдѣлано изъ серебра. Храмъ освѣщался множе-
ствомъ лампадъ, подсвѣщниковъ и паникадилъ, и свѣтъ

ихъ, отражаясь на блестящей поверхности сводовъ, производилъ чудное впечатлѣніе. По завоеваніи Константинополя турками, соборъ этотъ обращенъ въ мечеть; его священные изображенія были замазаны известью, многія украшенія были уничтожены, а на куполѣ вмѣсто креста поставленъ полумѣсяцъ. При освященіи этого храма нашъ единоплеменникъ Юстиніанъ Великій былъ въ правѣ воскликнуть: „я побѣдилъ тебя, Соломонъ“. Изъ другихъ храмовъ должно упомянуть еще храмъ 12-ти Апостоловъ и церковь Влахернской Божіей Матери, гдѣ хранилась ея одежда или риза. Весь Константинополь былъ окруженъ стѣнами со многими башнями. Важнѣйшими воротами считались Золотыя ворота.

Чудный городъ этотъ вмѣстѣ съ тѣмъ славился просвѣщеніемъ и своей художественной и промышленною дѣятельностью. (Мозаичная живопись, золотыя издѣлія, выработка шелковыхъ тканей или поволокъ и проч.).

Однажды въ 865 году день склонялся къ вечеру, когда въ Царьградъ явились бѣглецы изъ селеній, расположенныхъ по берегамъ Константинопольскаго пролива, и принесли тревожную вѣсть: многочисленные корабли народа Росъ вошли въ Босфоръ и плывутъ прямо къ столицѣ. Эта неожиданная вѣсть поразила жителей царьградскихъ. Вмигъ брошены всѣ дѣла и повсюду распространилось смятеніе.

Русскіе очевидно имѣли вѣрныя свѣдѣнія объ отсутствіи императора съ легіонами и почти беззащитномъ положеніи столицы. Нападеніе ихъ греки объявили тѣмъ, что за нѣсколько времени греческое правительство нарушило свои торговые договоры съ русскими и допустило избить многихъ нашихъ торговцевъ, проживавшихъ въ Византіи; ссора съ ними возникла изъ-за какого-то незначительнаго долга.

Греки наскоро приняли мѣры: заперли городскія во-

рота, разставили по башнямъ стражу и поспѣшили от-
править гонцовъ къ императору.

Наступившая ночь, мрачная и бурная, еще усиливала тревогу. Наиболѣе робкимъ представлялось, что враги уже перелѣзли стѣны, завладѣли городомъ, — и насталь всему конецъ. Но вотъ мракъ разсѣлся, вѣтеръ утихъ, морскія волны улеглись, и тогда жители Византіи увидали вереницу судовъ, которые обступали Константинополь со стороны моря. Держа въ рукахъ обнаженные мечи свои, потрясая копьями, руссы грозили городу, испускавая громкіе военные клики. Это были статные люди съ свѣтлорусыми волосами и сѣрыми живыми глазами. Наиболѣе знатные между ними отличались бритыми подбородками и длинными усами; остроконечные шлемы покрывали ихъ чубатыя подстриженные кругомъ головы; сверхъ кольчуги на нихъ наброшены были плащи, углы которыхъ застегивались пряжкой на правомъ плечѣ. Вооруженіе этого народа составляли стрѣлы, копья, сѣкиры и мечи съ широкимъ, обоюдоострымъ лезвеемъ; а щиты, суживающіеся къ низу, были такъ длинны, что закрывали почти все тѣло.

Окруживъ городъ со стороны моря, руссы высадились на берегъ и, по обычаю своему, начали насыпать валъ вдоль стѣнъ, защищавшихъ городъ съ суши, чтобы тѣмъ легче завладѣть ими. Въ то же время часть ихъ разсѣялась по окрестностямъ Константинополя; они принялись опустошать селенія и монастыри.

Въ отчаяніи жители Византіи обратились къ молитвѣ, посту и покаянію. Духовенство совершало постоянные молебны въ отверстыхъ храмахъ. Особенно густая толпа стекалась въ соборный храмъ св. Софіи. Патріархъ Фотій въ трудную минуту сталъ говорить съ софійской каеодры проповѣди, въ которыхъ яркими красками изображалъ вражеское нашествіе, какъ кару, ни-

спосланную Господомъ за тяжкіе грѣхи населенія. При этомъ онъ называлъ враговъ грозными и неодолимыми. Напримѣръ, онъ говорилъ: „народъ сей двинулся съ сѣвера съ тѣмъ, чтобы дойти до второго Іерусалима, и людъ сей устремился съ конца земли, неся съ собой стрѣлы и копья; онъ грозенъ и не милуетъ; голосъ его, какъ шумъ моря“ и т. д. То отзывался о нихъ съ презрѣніемъ, чтобы ярче выставить униженіе и стыдъ, которымъ подверглась Византія. Патріархъ призывалъ народъ къ покаянію и исправленію.

Между тѣмъ, осада продолжалась; валъ, насыпаемый руссами, постепенно возрасталъ, и близился часъ, когда они съ этого вала могли перелѣзть на стѣны и ворваться въ городъ. Наконецъ, говорилъ патріархъ, настало время прибѣгнуть къ Матери Божіей, къ ея заступничеству. Онъ взялъ ризу Божіей Матери изъ Влахернскаго монастыря и съ молитвенными пѣснопѣніями въ крестномъ ходѣ обнесъ ее вдоль стѣнъ вокругъ города и погрузилъ ее въ воды Босфора.

Поднялась буря и разметала ладьи русскихъ; они возвратились въ Кіевъ. Устрашенные чудомъ, Аскольдъ и Диръ приняли христіанскую вѣру со многими варягами.

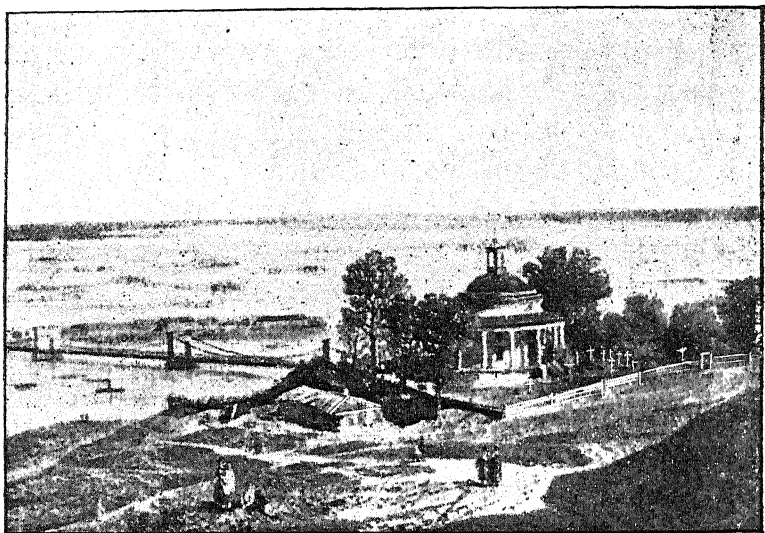
Въ 879 году умираетъ Рюрикъ, оставивъ малолѣтняго сына, Игоря. Опекуномъ его сталъ родственникъ, Олегъ. Но какъ старшій въ родѣ, онъ получилъ всю княжескую власть въ государствѣ Рюрика и владѣлъ ею до самой своей смерти. Народъ, приписывая ему сверхъестественное знаніе, прозвалъ его вѣщимъ. Онъ дѣйствительно вѣдалъ, т. е. зналъ, какъ раздвинуть предѣлы Русскаго государства на огромныя пространства на югъ, включая въ составъ его почти всѣ племена восточныхъ славянъ, и вѣдалъ, какъ побѣждать и хазаръ, и грековъ. Три года пробылъ онъ въ Новгородѣ, прежде чѣмъ двинуться на югъ, по великому водному пути, изъ варягъ и греки и

двинулся туда, не какъ предводитель дружины, а какъ государь, въ войскѣ котораго участвовали не одни варяги, а и другія подвластныя ему племена: славяне (ильменскіе), кривичи, чудь, меря и весь. Въ его рукахъ были сосредоточенныя единствомъ государственной власти силы этихъ племенъ, а такимъ объединеннымъ силамъ трудно сопротивляться, и все, что лежало на его пути, было безсильно сопротивляться ему и должно было входить въ составъ его Русскаго государства.

Перешедши въ бассейнъ Днѣпра, Олегъ утверждаетъ въ землѣ днѣпровскихъ кривичей, присоединяетъ къ своему государству Смоленскъ, сажаетъ здѣсь въ качествѣ своего намѣстника „мужа“, разумѣется, съ достаточною дружиною. Спускаясь отсюда внизъ по Днѣпру, онъ приходитъ въ землю сѣверянъ и присоединяетъ къ своей державѣ городъ ихъ Любечъ, посадивъ и здѣсь своихъ мужей. Изъ лѣтописи не видно, чтобы этотъ городъ, какъ и Смоленскъ, сопротивлялся ему. Затѣмъ идетъ въ землю полянъ, къ ихъ городу Кіеву, гдѣ княжили Аскольдъ и Диръ. По преданію, большую часть лодокъ онъ оставилъ позади, а въ остальныхъ ладьяхъ скрылъ своихъ ратныхъ людей. Подплывъ къ самому Кіеву, послалъ сказать тамошнимъ владѣтелямъ, что земляки ихъ — кушцы, идущіе въ Грецію отъ Олега и княжича Игоря, хотятъ повидаться съ ними. Пришедшіе на зовъ его Аскольдъ и Диръ были окружены воинами, повыскакавшими изъ лодокъ. Олегъ сказалъ кіевскимъ владѣтелямъ: „вы не князья и не княжескаго роду, я — князь, а вотъ сынъ Рюрика. По данному знаку оба были убиты и погребены на горахъ. По преданію св. Ольга поставила церковь св. Николая на могилѣ Аскольда. Въ переданномъ вамъ лѣтописномъ сказаніи этомъ Олегъ является карателемъ дерзкихъ дружинниковъ Рюрика, нарушавшихъ права его рода и на землю полянъ. Олегу

полюбился Кіевъ, и онъ сказалъ о немъ: „се буди мати градовъ русскихъ“ и сдѣлалъ его столицею своего госу-

Аскольдова могила въ Кіевѣ.

дарства, вмѣсто Новгорода. Съ этого времени Кіевъ дѣлается оплотомъ Русской земли противъ степныхъ народовъ. Первымъ дѣломъ Олега на этой украинѣ было построение защитныхъ укрѣплений или городовъ. Построивъ города и установивъ дани для сѣверныхъ племенъ (славянъ ильменскихъ, кривичей, веси и мери), Олегъ обращается къ другимъ славянскимъ племенамъ. Прежде всего онъ идетъ къ древлянамъ, издавна враждовавшимъ съ полянами. Тѣ не поддались добровольно Русскому князю, и онъ силой заставилъ ихъ платить дань по черной куницѣ съ дыма, т. е. съ жилья. Въ слѣдующемъ 884 году онъ пошелъ на сѣверянъ, побѣдилъ ихъ и наложилъ дань легкую; эта легкость объясняется малымъ сопротивленіемъ сѣверянъ, которые платили дань хазарамъ и слѣдовательно могли легко согласиться платить

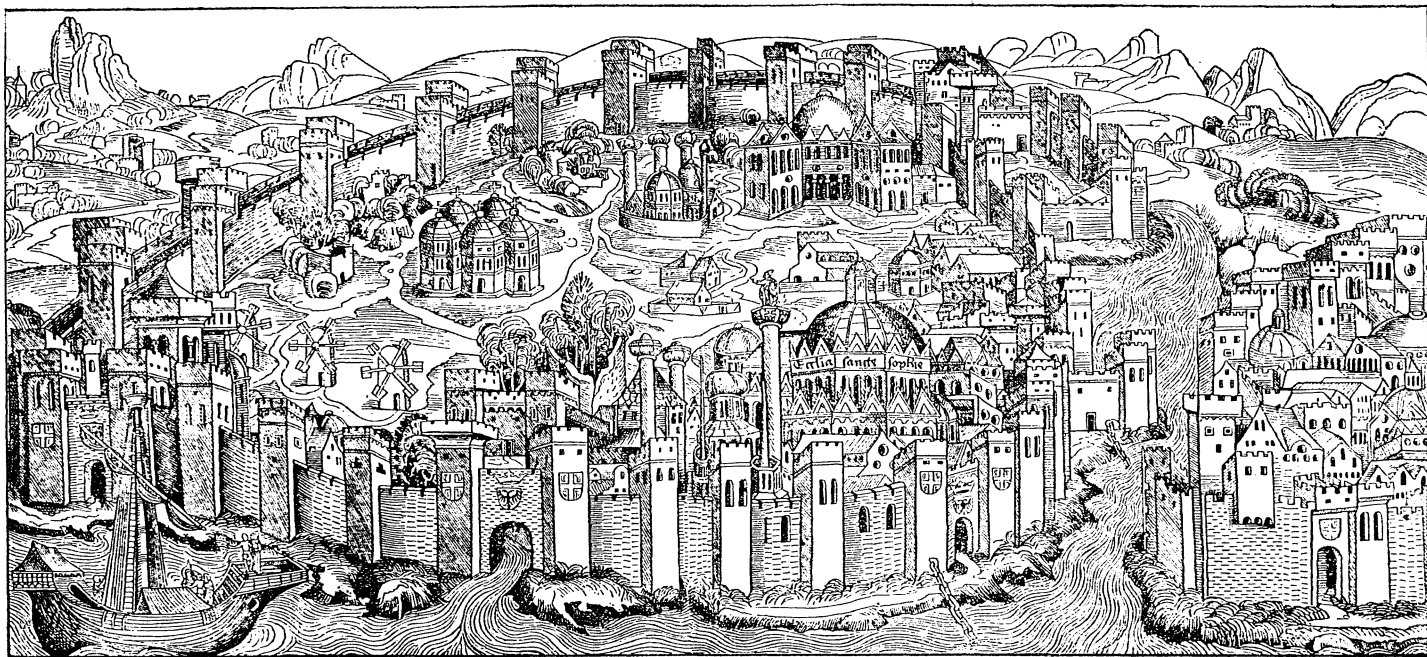
ее Русскому князю. „Я—врагъ хазарамъ, говоритъ онъ, а вовсе не вамъ“. Въ слѣдующемъ году онъ послалъ спросить радимичей: „кому даете дань? тѣ отвѣчали: „хазарамъ“. Не давайте хазарамъ, а давайте мнѣ“, сказалъ Олегъ, и тѣ подчинились ему безъ сопротивленія. Затѣмъ ему удалось подчинить себѣ дулѣбовъ, хорватовъ и тиверцевъ. Только угличи остались незавоеванными.

Такимъ образомъ, соединивъ подъ своею рукою всѣхъ восточныхъ славянъ, Олегъ въ 907 году предпринялъ походъ на Царь-градъ. Оставя въ Кіевѣ Игоря, онъ собираетъ подъ свои знамена варяговъ, славянъ новгородскихъ, кривичей, полянъ, сѣверянъ, древлянъ, радимичей, хорватовъ, дулѣбовъ, тиверцевъ и чудскія племена и идетъ съ ними на коняхъ и въ корабляхъ „въ греки“; кораблей было 2,000, а на каждомъ изъ нихъ по 40 человѣкъ. Это былъ не набѣгъ Аскольда и Дира, а была война, испугавшая Грековъ уже не внезапностью.

Греческій императоръ Левъ Философъ велѣлъ запереть всѣ ворота Константинополя и затянуть цѣпями входъ въ Золотой Рогъ. Олегъ безпрепятственно вышелъ на берегъ; велѣлъ выволочь корабли на землю; ратные разсѣялись по окрестностямъ Цареграда и начали опустошать ихъ. Лѣтопись передаетъ, что Олегъ велѣлъ поставить лодки свои на колеса, и флотъ при попутномъ вѣтрѣ двинулся на парусахъ по сушѣ къ Константинополю. Началась осада и съ суши и съ моря. Греки послали сказать Русскому князю: „не губи города; мы беремся давать тебѣ дань, какую хочешь“. Олегъ остановился. Но Греки послали ему кушанье и напитки съ отравою. Вѣдый Олегъ догадался о коварствѣ и не коснулся присланнаго. Самый хитрый изъ народовъ былъ не въ силахъ обмануть этого Русскаго князя. Олегъ предложилъ грече-

скому императору слѣдующія условія мира: заплатить по 12 гривенъ (фунтовъ) серебра на корабль, да еще уклады на русскіе города: Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Полоцкъ, Ростовъ, Любечъ и другіе; Русь, приходящая въ Цареградъ, можетъ брать тамъ съѣстныхъ припасовъ, сколько хочетъ; гости (купцы) могутъ брать припасы на 6 мѣсяцевъ; мыться въ баняхъ, сколько угодно. На возвратный путь русскіе берутъ у греческаго царя съѣстное, якоря, паруса и все нужное. Императоръ принялъ условія съ нѣкоторыми измѣненіями, напримѣръ, русскіе не должны грабить окрестности Константинополя, могутъ жить въ предмѣстьи Св. Мамы, гдѣ переписываются ихъ имена; они получаютъ мѣсячное; входъ въ городъ дозволяется безъ оружія партіями не болѣе 50 человекъ. Но они могутъ торговать, не платя пошлинъ. Императоръ со своими греками, утверждая этотъ договоръ, цѣловалъ крестъ въ свидѣтельство этого, а Олегъ съ русскими, по своему обычаю, клялся своимъ оружіемъ и богами Перуномъ и Велесомъ. Олегъ въ честь своей побѣды надъ греками велѣлъ прибить свой щитъ къ вратамъ Цареграда. Русскіе натянули на своихъ судахъ паруса шелковые, а славяне полотняные. Но вѣтеръ разорвалъ ихъ, и славяне, натянувъ паруса холстинные, поплыли домой. Много золота, дорогихъ тканей и всякаго узорочья привезъ Олегъ въ Кіевъ. Чрезъ четыре года былъ заключенъ новый торговый договоръ съ греками, подробнѣе урядившій отношенія между Русскими и Греками. Послы возвратились съ этимъ договоромъ въ Кіевъ въ 912 году, когда этотъ знаменитый князь умеръ.

Поэтическое сказаніе лѣтописи о смерти Олега мы передадимъ дивными стихами нашего великаго поэта, въ его „Пѣснѣ о Вѣщемъ Олегѣ“.

Видъ Константинополя по старинной нѣмецкой рукописи.

ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

Какъ нынѣ собирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ хазарамъ;
Ихъ села и нивы за буйный набѣгъ
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей въ цареградской бронѣ
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.
Изъ темнаго лѣса, навстрѣчу ему,
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведеній весь вѣкъ,
И къ мудрому старцу подѣхалъ Олегъ.
«Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро ль на радость сосѣдей—враговъ
Могилой засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любого возьмешь ты коня».
«Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ не нуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ;
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.
Запомни же нынѣ ты слово мое:
«Вонтелю слава—отрада;
Побѣдой прославлено имя твое;
Твой щитъ на вратахъ Цареграда;
И волны, и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.
«И снято моря обманчивый валь.
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы...
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ;
Незримый хранитель могучему данъ.

«Твой конь не боится опасных трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смиренный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю,
И холодъ, и сѣча ему ничего:
Но примешь ты смерть отъ коня своего».

Олегъ усмѣхнулся, однако чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый;
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладить, и треплеть по шеѣ крутой.

«Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга;
Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай; ужъ не ступить нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня;
Вы, отроки—друзи, возьмите коня!

«Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
Въ мой лугъ подъ уздцы отведите,
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите».
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другого коня подвели.

—
Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана.
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

«А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ,
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? Все также ль легокъ его бѣгъ?
Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?»
И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.

Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: «что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье:
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня!»
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.
Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорьъ и старые гости,
И видятъ: на холмѣ, у берега Днѣпра
Лежать благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.
Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: «спи, другъ одинокій!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь,
И жаркою кровью мой прахъ напонишь!
«Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!»
Изъ мертвой главы гробовая змѣя
Шипя, между тѣмъ, выползала;
Какъ черная лента, вокругъ ногъ обвилась
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.
Ковши круговые запѣнясь шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорьъ и Ольга на холмѣ сидятъ
Дружина пируетъ у берега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

А. Пушкинъ

IV.

Игорь, его походы на грековъ и древлянъ.—Смерть его.—Ольга, ея мсть древлянамъ. Путешествіе въ Цареградъ и принятіе христіанства.—Святославъ, его характеръ и войны.—Святославъ въ Болгаріи.—Борьба его съ Іоанномъ Цимисхиємъ и смерть.

Олегъ собралъ племена восточныхъ славянъ подъ одно знамя Русскаго государства; далъ ему новый центръ въ Кіевѣ, оградилъ его со стороны степи рядомъ городовыхъ укрѣпленій, установилъ дани для племенъ. Онъ достигалъ своихъ государственныхъ цѣлей, гдѣ можно однимъ умомъ, гдѣ слѣдовало, мечемъ. Его походъ на Византію не былъ дружиннымъ набѣгомъ Аскольда и Дира, а явился войною, въ коей участвовали всѣ подвластныя ему племена почувствовавшія въ ней общее національное предпріятіе. Прибитый имъ къ вратамъ Цареграда, въ знакъ побѣды, щитъ поднималъ національное чувство Руси, а два выгодныхъ трактата или договора съ греками свидѣтельствовали, что это не было только безплодною похвалбой или тщеславіемъ. Мы скоро услышимъ отъ его и Рюрика внука—героическаго Святослава, что лучше лечь костью, чѣмъ посрамить Русскую землю, отступленіемъ даже предъ сильнѣйшимъ врагомъ, или заключеніемъ съ нимъ мира непочетнаго. Приписанный народомъ Олегу вѣщій умъ вѣдалъ уже силу молодого еще Русскаго государства и въ настоящемъ видѣлъ предзнаменованіе его будущаго величія.

Но исторія не представляетъ однихъ только свѣтлыхъ картинъ: въ ней очень часто свѣтъ смѣняется тѣнью.

Такъ вслѣдъ за славнымъ княженіемъ Олега идетъ тусклое, не чуждое мрачныхъ сторонъ княженіе сына Рюрика Игоря (912—945).

По смерти Олега ему было около 35 лѣтъ. За девять лѣтъ до этого, именно въ 903 году, еще при жизни

Св. Ольга.

Олега, привели ему изъ Пскова жену Ольгу. До этого времени Игорь росъ подъ приглядомъ Олега: ходилъ по Олегѣ, какъ говоритъ лѣтопись, слушался его и оставался въ Кіевѣ во время Олегова похода на Цареградъ.

Первое лѣтописное сказаніе о самостоятельномъ правленіи Игоря гласитъ объ отложеніи отъ него древлянъ, которые „заратились“, т. е. ополчились ратью противъ русскаго князя, отказавшись платить ему дань. Игорь пошелъ на древлянъ, побѣдилъ ихъ и наложилъ на нихъ дань больше той, какую они платили Олегу.

При немъ въ степяхъ Приднѣпровья утвердились азіатскіе кочевники — воинственные печенѣги, кои, пользуясь ослабленіемъ при Олегѣ ханства хазарскаго, прорвались чрезъ его владѣнія и вытѣснили съ юга Россіи венгровъ или мадьяръ, ушедшихъ на средній Дунай. Но

Съ иконы Кіево-Владимірскаго собора.

новые кочевники еще не начали вражды противъ русскихъ и даже вступали въ ополченія Игоря.

Въ 941 году Игорь предпринимаетъ походъ на Цареградъ. Видно, заключенный Олегомъ въ 912 году договоръ нарушался греками. Но не обладавшій мудростью своего предшественника князь снарядилъ походъ недостаточно сильный. На нѣсколькихъ сотняхъ ладей русскіе пристали къ берегамъ Малой Азіи и здѣсь начали свои опустошенія. Греческій Императоръ Романъ Лакапъ, за отсутствіемъ флота, отправленнаго противъ арабовъ, приказалъ старыми судами преградить въ Босфорскомъ проливѣ путь къ Константинополю русскимъ судамъ. Греки вооружили свою слабую флотилію особыми огнеметательными снарядами, бросавшими такъ называемый греческій огонь. Когда Игорь пытался прорваться сквозь греческія суда, противъ его ладей пущенъ былъ этотъ огонь, который казался, какъ говоритъ лѣтопись наша, точно молніей небесной, которую греки бросали на русскія суда и жгли ихъ. Вслѣдствіе этого, русскіе отошли въ Малую Азію, и здѣсь собравшіяся византійскія войска стали наносить пораженія нашимъ отрядамъ. Приближалась зима, а съ ней недостатокъ съѣстныхъ припасовъ въ опустошенной странѣ. Игорь собралъ свой флотъ и снова сдѣлалъ нападеніе на увеличившіяся въ числѣ своемъ греческія суда. Но греческіе моряки, пустивъ опять противъ русскихъ свой огонь, нанесли имъ полное пораженіе. Игорь только съ десяткомъ кораблей возвратился въ свою землю, а захваченные въ плѣнъ русскіе были торжественно обезглавлены въ Константинополѣ.

Пришедши въ Кіевъ, онъ снаряжаетъ новый походъ противъ Византіи. На этотъ разъ онъ посылаетъ за море нанимать варяговъ и собирать изъ полянтъ, ильменскихъ славянъ, кривичей, тиверцевъ войско, нанимаетъ и

печенѣговъ, взявъ у нихъ заложниковъ, и выступаетъ въ походъ, и на ладьяхъ, и на коняхъ. Корсунскіе греки послали сказать императору Роману: „идетъ Русь съ безчисленнымъ множествомъ кораблей. Покрыто все море кораблями“. Болгары также послали вѣсть: „идетъ Русь, наняла и печенѣговъ“.

Императоръ Романъ посылаетъ къ Игорю своихъ лучшихъ бояръ сказать: „не ходи, но возьми дань, которую бралъ Олегъ, придамъ и еще къ ней“. Вмѣстѣ съ этимъ греки старались подѣйствовать и на печенѣговъ, пославъ къ нимъ дорогія шелковыя ткани и много золота.

Игорь, дошедши до Дуная, созвалъ свою дружину на совѣтъ и началъ думать съ ней о предложеніяхъ греческаго императора. Мужа Игоревы сказали: „если такъ говоритъ царь, то чего намъ еще больше? Не бившись возьмемъ золото, серебро и паволоки; какъ знать, кто одолѣетъ: мы или они? Вѣдь, съ моремъ нельзя зараньше уговориться: одна смерть всѣмъ“. Игорь послушался дружины; взялъ у грековъ золото и паволоки на себя и на все ополченіе; приказалъ печенѣгамъ воевать Болгарскую землю и пошелъ назадъ въ Кіевъ.

Въ 945 году заключенъ былъ договоръ съ греками и отправлены были въ Цареградъ послы отъ великаго князя (Игорь), сына его Святослава (Воеѣастъ), Ольги княгини (Искусеви), даже отъ племянника тоже Игоря, отъ другихъ князей и княгинь. Они заключили миръ вѣчный до тѣхъ поръ, пока солнце сіяетъ, и миръ стоитъ. Кто изъ русскихъ помыслитъ нарушить такую любовь, сказано въ договорѣ, то крещенный приметъ мсть отъ Бога Вседержителя, осужденіе на погибель въ сей вѣкъ и въ будущій; некрещенные же не получаютъ помощи отъ бога своего Перуна, не ущитаются щитами своими, будутъ посѣчены мечами своими, погибнуть отъ стрѣлъ и другого оружія своего и будутъ рабами въ сей вѣкъ и въ будущій.

Великій князь Русскій и бояре его посылають къ великимъ царямъ греческимъ корабли, сколько хотять съ послами и гостями, какъ установлено въ Олеговомъ договорѣ. Прежде послы носили печати золотыя, а гости серебряныя; теперь же, по Игореву договору, они должны показать грамоту отъ князя своего, въ которой должно быть написано, сколько послано кораблей; поэтому греки и будутъ знать, что русскіе пришли съ миромъ. Если же придутъ безъ грамоты, то греки задержать ихъ, пока не обошлются съ Русскимъ княземъ; если же русскіе будутъ сопротивляться, то можно перебить ихъ безъ всякой отвѣтственности предъ княземъ. Это ограниченіе новое, какого нѣтъ въ договорѣ Олега. Послѣ повторенія прежнихъ условій о мѣстѣ жительства русскихъ (въ предмѣстьи св. Мамы), о содержаніи русскихъ пословъ (на греческія средства) и гостей (посредствомъ мѣсячины), прибавляется, что къ русскимъ будетъ приставленъ греческій чиновникъ, который будетъ разбирать ихъ споры съ греками. Русскіе купцы не могутъ покупать паволокъ дороже 50 золотниковъ, и купленные клеймятся греческимъ чиновникомъ. Исчисляя вознагражденія за убитыхъ, пораненныхъ, бѣглыхъ рабовъ, за кражи, по греческому и русскому закону, договоръ обязываетъ русскимъ не воевать съ корсунцами, не мѣшать ихъ ловлѣ рыбы въ устьяхъ Днѣпра, тамъ не зимовать, удерживать черныхъ болгаръ отъ войны съ землей корсунскою и проч.

Послы Игоревы пришли вмѣстѣ съ греческими въ Кіевъ. Игорь спросилъ грековъ: „что вамъ говорилъ царь? Тѣ отвѣчали: „царь насъ послалъ къ тебѣ: онъ радъ миру, хочетъ имѣть любовь съ Русскимъ княземъ; твои послы водили нашихъ царей къ присягѣ, а цари послали насъ привести къ присягѣ тебя и мужей твоихъ“. На другое утро онъ призвалъ пословъ на холмъ, гдѣ стоялъ идолъ Перуна; здѣсь Русскіе сложили свое оружіе, щиты и зо-

лото и дали присягу. Христіанъ же приводили къ присягѣ въ соборномъ храмѣ св. Іліи.

Изъ большихъ, по сравненію съ Олеговымъ договоромъ, ограниченій для русскихъ въ этомъ договорѣ, видно, что походъ Игоря былъ менѣе удаченъ, чѣмъ походъ Олеговъ.

Въ правленіе Игоря, независимо отъ него Русскіе предпринимали походы и къ берегамъ Каспійскаго моря. Такъ въ 914 году, 500 русскихъ судовъ, съ сотней ратниковъ на каждомъ, изъ Азовскаго моря приплыли въ устью Дона и отправили къ хазарскому кагану просить о пропускѣ ихъ чрезъ его землю на Волгу и Каспійское море, обѣщая ему половину добычи, какую возьмутъ съ прикаспійскихъ народовъ. Получивъ разрѣшеніе, они поднялись вверхъ по Дону и въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ близко подходитъ къ Волгѣ, волокомъ перетянули туда свои суда и ея устьемъ вышли въ Каспійское море. Они стали опустошать его западные берега, увозя жителей въ рабство или подвергали ихъ грабежу, укрываясь на морскихъ островахъ. Вооружившись противъ нихъ, окрестные жители, высадились на этихъ островахъ, вступили въ битву съ русскими, но были ими разбиты. Когда русскіе возвращались, отдавъ условленную часть добычи хазарскому кагану, подвластные ему мусульмане, составивши войско въ 15,000 человекъ, въ отместку за своихъ единовѣрцевъ, напали на русскихъ. Тѣ вышли изъ своихъ лодокъ и три дня бились съ ними, но были побиты врагами: много ихъ перетонуло въ рѣкѣ, другіе перебиты были буртасами (мордвою) и камскими болгарами. Подобный же походъ на Каспійское море русскіе предприняли и въ 944 году, и на рѣкѣ Курѣ взяли много добычи, даже овладѣли богатымъ городомъ арабскаго калифата Бердой. Русскіе отъ неумѣреннаго употребленія фруктовъ, сильно мерли, а потомъ были разбиты однимъ изъ тамошнихъ владѣтелей.

Въ 945 году Игорь былъ убитъ древлянами. „Какъ пришла осень, говоритъ лѣтопись, дружина стала говорить Игорю: „отроки Свѣнелда изодѣлись оружіемъ и платьемъ, а мы наги; пойди, князь, съ нами за данью, и ты добудешь и мы“.

Въ объясненіе этого нужно сказать, что воевода Свѣнелдъ окончилъ начатое еще Олегомъ покореніе на нижнемъ Днѣпрѣ угличей; послѣ трехлѣтней осады взялъ ихъ городъ Пресѣчень и обогатился съ своей дружиной большою добычей. Чтобы утолить зависть своихъ дружинниковъ, Игорь отправился къ древлянамъ, въ „полюдь“, или для сбора дани. Не мало неправды сдѣлали надъ ними дружинники Игоревы. Съ нихъ взята была дань еще больше прежней. Возвращаясь въ Кіевъ, Игорь сказалъ своей дружинѣ: „идите съ данью домой, а я возвращусь и похожду и еще“. И съ небольшимъ числомъ ратниковъ поворотилъ къ древлянамъ за новою данью. Услыхавъ объ этомъ, тѣ начали думать съ своимъ княземъ Маломъ: „повадится волкъ къ овцамъ, перетаскаетъ все стадо, пока не убьютъ его, такъ и этотъ; если не убьемъ его,—всѣхъ разорить насъ“. Они послали сказать Игорю; „зачѣмъ идешь опять? Вѣдь ты взялъ всю дань“. Но Игорь словамъ этимъ не внялъ; тогда древляне, вышедши изъ города Коростеня, убили Игоря и бывшихъ съ нимъ. Византійскій писатель Левъ Діаконъ говоритъ, что они нагнули вершины двухъ деревьевъ, привязали къ нимъ Игоря и, отпустивъ ихъ, разорвали его.

Убіеніе Игоря древлянами было тяжкимъ преступленіемъ и противъ князя и противъ государства Русскаго, какъ мятежный выходъ этого племени изъ государственнаго союза объединенныхъ племенъ. Уже поэтому вы должны заключить, что древлянъ ожидали тяжкія кары. Но они носили особенно кровавый характеръ потому,

что къ нимъ присоединилось родовая кровавая месть, составлявшая не только обычай древнихъ языческихъ народовъ, но и прямой, притомъ, священный у нихъ законъ, нарушеніе котораго тяжкимъ бременемъ ложилось на весь родъ убитаго.

Вы знаете, что и восточные славяне жили родовымъ бытомъ, т. е. родственными семьями, кои сообща владѣли принадлежащими роду землями и другими имуществами и управлялись старшимъ въ родѣ, который былъ правителемъ и судьей рода. Но родъ связывался въ одно цѣлое не одними интересами крови, имуществомъ и одной родовой властью, а и религіозной связью: родичи имѣли родовыхъ боговъ, которые у нихъ назывались Родомъ или Щуромъ и Рожаниней. Этотъ Родъ или Щуръ, Пращуръ—умершій родоначальникъ, Рожаница—родоначальница. Они были богами рода, имъ приносились жертвы и молитвы, совершаемыя старшими въ родѣ,—родовладыками. Ихъ именемъ совершались охранительныя заклія, въ родѣ: „чуръ меня“. Оторвать отъ рода какого-либо члена было нарушеніемъ интереса родичей и ихъ родовыхъ боговъ. Даже выходъ изъ рода дѣвушки, по ея доброй волѣ, въ замужество за чужанина былъ въ своемъ родѣ похищеніемъ, кражей изъ рода, и замужество совершалось посредствомъ умыканья, или кражи невѣсты, за которую приходилось чужанину и его роду расплачиваться особымъ выкупомъ или „вѣномъ“, по особому договору съ родичами невѣсты. Что же сказать о томъ, если кто-нибудь изъ родичей былъ вырванъ изъ рода насиліемъ, въ особенности убійствомъ? За убійство должны были убійствомъ мстить убійцѣ и его роду родичи убитаго. Кровавая месть была не простымъ только возмездіемъ пострадавшаго отъ убійства рода, но и его священнымъ религіознымъ закономъ. Если убійство не было отмщено родичами, то противъ нихъ пой-

дутъ и душа убитаго, который, будучи лишень погребенія и всей его обстановки (убитаго коня, убитой жены, убитыхъ рабовъ и домашней утвари), станетъ негодовать на своихъ родичей, и души предковъ пращуровъ, въ своихъ немстящихъ родичахъ увидать измѣну Роду и Рожаницѣ. Вотъ почему уже и послѣ принятія русскими крещенія, уже при Ярославѣ Мудромъ, нельзя было еще отмѣнить языческаго закона кровавой мести.

При этихъ условіяхъ понятно, что древляне за смерть Игоря и его дружины расплатились не только, какъ за государственный мятежъ, но и стали искупительными жертвами предъ Игоремъ и богами его рода.

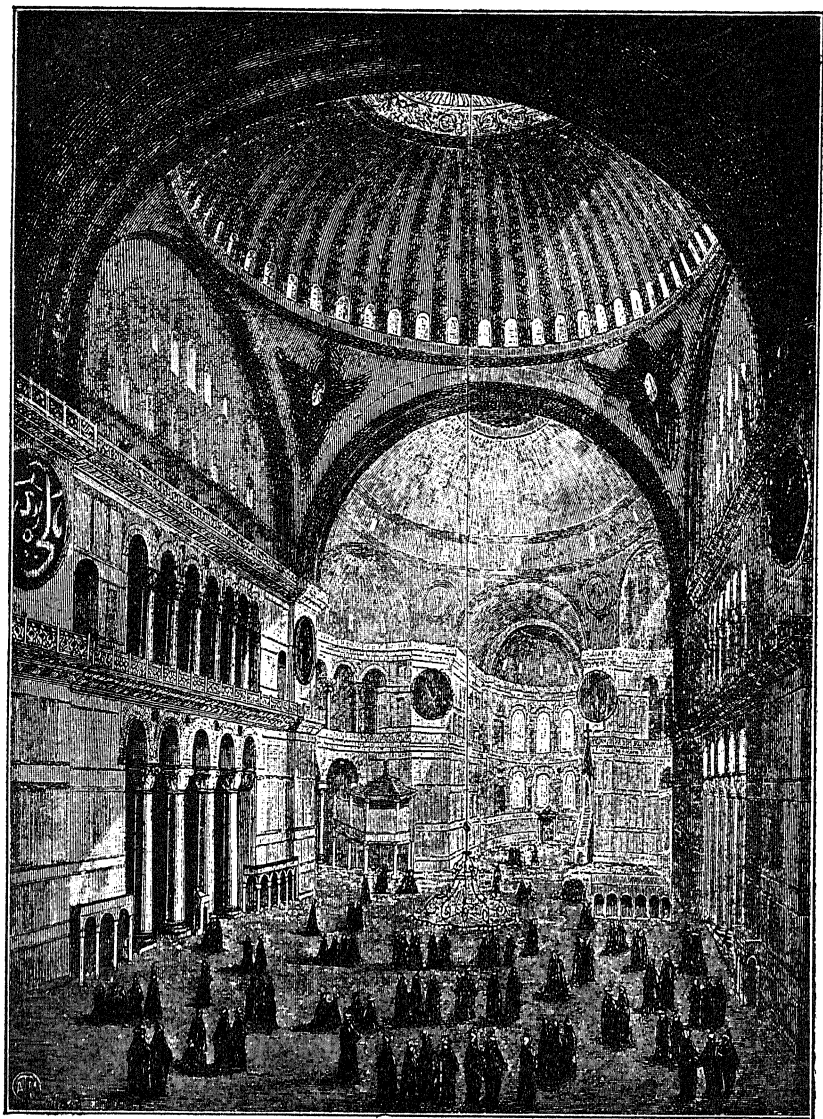
Такимъ образомъ, месть Ольги за своего мужа, какъ исполненіе закона своего времени и требованій религіозныхъ, не должна намъ, чуждымъ понятій того времени, казаться чѣмъ-нибудь чрезмѣрно жестокимъ, несправедливымъ. Такъ какъ Ольга, будучи вѣрна духу своего народа, съ особымъ прилежаніемъ занялась этою местию, то народныя преданія того времени, занесенныя въ лѣтопись, съ особой подробностью разсказываютъ объ Ольгиномъ кровомщеніи.

Древляне, зная, что сынъ Игоря Святославъ, будучи въ то время четырехъ лѣтъ, еще долго не въ состояніи будетъ отмстить за отца своего, рѣшили отвлечь отъ кровомщенія вдову убитаго Ольгу и чрезъ своихъ пословъ предложили ей вѣйти замужъ за ихъ князя Мала. Пришедшимъ въ Кіевъ древлянскимъ посламъ она сказала: „люба мнѣ ваша рѣчь; мужа мнѣ, вѣдь, не воскресить, хочу почитать васъ предъ всѣми людьми своими. Теперь ступайте назадъ въ свою ладью; а какъ завтра я пришлю за вами, то скажите посланнымъ: „не ѣдемъ на коняхъ, неидемъ пѣшкомъ, а несите насъ въ ладѣ“. Они васъ и повесутъ“. Между тѣмъ, по ея приказанію, у ея терема была вырыта большая и глубокая яма. Когда на утро

кїевляне сказали древлянскимъ посламъ, что „Ольга зоветь ихъ на великую честь“, тѣ отвѣтили по внушенію княгини; ихъ, величавшихся коварнымъ почетомъ, понесли къ терему княгини и бросили въ яму и стали живыми засыпать землей. Ольга спросила ихъ: довольны ли они честью? Древляне отвѣчали: „охъ, пуще Игоревої смерти“. Затѣмъ, она сама отправила пословъ къ древлянамъ, скрывъ о судьбѣ ихъ посольства, сказать: „если выправду просите меня къ себѣ, то пришлите самыхъ лучшихъ мужей за мною, чтобы мнѣ придти къ вамъ съ большою честью, а то кїевляне, пожалуй, не пустятъ меня“. Для новыхъ пословъ Ольга велѣла вытопить баню и сожгла ихъ въ ней. Затѣмъ, она посылаетъ къ древлянамъ сказать: „я ужъ иду къ вамъ; наварите побольше медовъ; я поплачу на могилѣ мужа и справлю по немъ тризну“. Древляне и здѣсь не разгадали ея хитрости. Ольга съ дружиной своей явилась въ землю древлянскую; поплававъ на могилѣ своего мужа, стала править по немъ тризну. Древляне спросили о своихъ послахъ. Ольга отвѣчала, что они идутъ позади съ Игоревою дружиной. Повѣря ей, они сѣли пить, а дружинники Ольги прислуживали имъ. Когда древляне упились, по приказу Ольги, дружина ея перебила до 5,000 древлянъ. Это было большее жертвоприношеніе тѣни убитаго Игоря и богамъ его рода.

Исполнивъ родовую месть, Ольга на слѣдующій годъ творить надъ древлянами государственную казнь за ихъ мятежъ противъ Русскаго государства. Придя въ землю древлянскую съ большою ратью, она вступила въ битву съ древлянами, при чемъ малолѣтній князь Святославъ первый бросилъ свое копьѣ на враговъ. Но оно пролетѣвъ межъ ушей коня, упало у его ногъ: „бѣ бо дѣтескъ“, говоритъ лѣтопись. Разбитые древляне заперлись въ своемъ городѣ Коростенѣ въ осаду. Цѣлое лѣто

Внутренній видъ Софійскаго собора въ Константинополі.

простояла здѣсь Ольга и опять прибѣгла къ хитрости; она сказала древлянамъ: чего вы сидите. Всѣ ваши города сдались мнѣ и платятъ дань и дѣлаютъ земли своя и нивы своя. Неужели вы хотите лучше погибнуть голодной смертью, чѣмъ платить дань? Тѣ отвѣчали, что рады бы платить дань, да боятся опять ея мести за Игоря. Ольга отвѣчала: я ужъ три раза отомстила за мужа и больше не хочу мстить и, взявъ дань, пойду домой. Она сказала истомленнымъ древлянамъ, что у нихъ нѣтъ мѣховъ и меду, что съ нея довольно, если они пришлютъ съ каждаго двора по три голубя и по три воробья. Довольные древляне охотно исполнили это требованіе. Ольга велѣла своимъ ратнымъ людямъ привязать къ хвостамъ птицъ въ тряпкахъ сѣру, зажечь ее и выпустить ихъ въ сумерки. Полетѣли въ городъ голуби по голубятнямъ, а воробьи по-застрѣхамъ, и всѣ дворы коростеньскіе загорѣлись разомъ, такъ что тупить было нельзя. Бѣжавшихъ перехватывали ратные; старшинъ Ольга взяла себѣ, а другихъ отдала своей дружинѣ, на всѣхъ остальныхъ наложила тяжелую дань. Но по всей древлянской землѣ установила уставы и уроки. Съ того времени они платили дань и исполняли урочные работы не такъ, какъ при Игорѣ, а по заранѣе сдѣланному опредѣленію.

Много заботъ посвятила великая княгиня Ольга установленію порядка во всей Русской землѣ. Она объѣзжала ее, начиная съ сѣвера, въ разныхъ направленіяхъ, творила вездѣ судъ и расправу. Послѣ распоряженій въ землѣ древлянской, она отправилась на сѣверъ въ Новгородъ и по рѣкѣ Метѣ, важной по судоходству, установила погосты (гость—богатый купецъ)—торговые, ярмарочные пункты, и дани — подати, а по рѣкѣ Лугѣ — оброки и дани. Долго народъ помнилъ о ея становищахъ и ловищахъ, мѣстахъ охоты, а въ Псковѣ чрезъ сто лѣтъ

показывали ея сани. При внукѣ ея Владимірѣ, лучшіе люди Русской земли, ставя принятіе ею христіанства въ примѣръ для великаго князя, называли ее „мудрѣйшей изъ людей“. Очевидно, они цѣнили ея умъ выше ума Вѣщаго Олега.

По словамъ нашей лѣтописи, Ольга приняла крещеніе въ Цареградѣ въ 957 году. Къ этому она была подготовлена еще въ Кіевѣ, гдѣ были христіане, со временъ Аскольда и Дира, и гдѣ ихъ было много при ея мужѣ Игорѣ, потому что въ это время у христіанъ въ Кіевѣ былъ соборный храмъ Св. Іліи, и, конечно, были и приходскіе храмы. Крещеніе Ольги совершалъ константинопольскій патріархъ, а восприемникомъ ея отъ купели, или крестнымъ отцемъ, былъ императоръ греческій Константинъ Багрянородный. Русскіе люди, восхищаясь умомъ Ольги, рассказывали, что этотъ императоръ, пораженный ея мудростью, хотѣлъ жениться на ней. Но Ольга просила его прежде быть ея восприемникомъ отъ купели, а когда, послѣ крещенія, онъ возобновилъ свое предложеніе, Ольга сказала ему, что, по христіанскому закону, крестный отецъ не можетъ жениться на своей крестной дочери. Пораженный этимъ императоръ сказалъ: „переключала еси ты меня Ольга“, т.-е. ты меня перехитрила.

Въ своемъ сочиненіи: „Объ обрядахъ Византійскаго двора“ Константинъ Багрянородный, не говоря объ этомъ обстоятельстве, рассказываетъ только о томъ, какъ принимали великую княгиню въ Цареградѣ.

9-го сентября Ольга прибыла въ императорскій дворецъ; за ней слѣдовали сопровождавшія ее родственницы, знатныя русскія боярыни, послы русскихъ князей, ея собственные старшіе дружинники и русскіе гости. Въ одной изъ залъ ее провели мимо императора, возсѣдавшаго на тронѣ и окруженнаго сановниками. За-

тѣмъ, чрезъ длинный рядъ дворцовыхъ залъ повели въ Юстиніанову палату, гдѣ представили императрицѣ, возсѣдавшей на тронѣ, на особомъ возвышеніи, покрытомъ пурпуровыми тканями. На золотомъ особомъ сѣдалищѣ сидѣла и невѣстка императора. По сторонамъ стояли придворные сановники и дамы. Придворный сановникъ привѣтствовалъ Русскую великую княгиню отъ имени императрицы. Ольгу и ея свиту отвели отсюда на короткій отдыхъ въ особый покой, а потомъ опять пригласили въ ту же Юстиніанову залу, куда явился императоръ съ своими дѣтьми и внуками. Великая княгиня приглашена была сѣсть и разговаривала съ императоромъ.

Въ тотъ же день и въ той же палатѣ былъ торжественный обѣдъ. Императрица и ея невѣстка обѣдали на тронномъ возвышеніи, а Русская княгиня, сдѣлавъ легкій поклонъ императрицѣ, должна была сѣсть за другой столъ съ свитой своей и греческими придворными дамами. Во время обѣда пѣли пѣвчіе, и плясали танцоры. Мужская свита обѣдала въ Золотой палатѣ. Послѣ обѣда императрица и великая княгиня со свитами перешли въ другую комнату, гдѣ подавались сласти. Ольгѣ и ея свитѣ были поднесены подарки въ видѣ золотыхъ монетъ.

18 октября былъ устроенъ другой пиръ для мужской свиты въ золотой палатѣ, гдѣ присутствовалъ самъ императоръ, а Ольгу угощали въ палатѣ Св. Павла, гдѣ присутствовала императрица съ невѣсткой и дѣтьми. Опять нашей княгинѣ и ея свитѣ сдѣланы были подарки золотыми монетами.

Возвратившись въ Кіевъ, Ольга стала уговаривать сына, оставивъ языческихъ боговъ, принять христіанство. По словамъ лѣтописи, она часто говорила сыну: „я узнала Бога истиннаго, и душа моя исполнилась радости; если и ты узнаешь Его, то также станешь радоваться“. Свято-

славу была не по душѣ религія мира и любви, и онѣ отвѣчалъ матери: „какъ мнѣ одному принять другой законъ? Дружина надъ этимъ станетъ смѣяться“. Ольга говорила: „если ты крестишься, то и всѣ сдѣлаютъ тоже“. Когда же мать повторяла свой совѣтъ, то Святославъ, по словамъ лѣтописи, сердился на нее и до смерти своей остался язычникомъ.

Его душа всю жизнь жаждала бранныхъ подвиговъ. Его дѣтство началось подъ звонъ мечей, и смерть пришла къ нему не дома, а у пороговъ днѣпровскихъ, на походѣ, среди воинственныхъ кликовъ враговъ. Еще ребенкомъ, онѣ посаженъ былъ „на коня“ и пошелъ въ бранный походъ противъ мятежныхъ древлянъ, на кровавую месть за отца своего Игоря. Лѣтопись картинно отмѣчаетъ, какъ этотъ князь — ребенокъ, будучи еще „дѣтескъ“, своей слабой рукой, впереди своей дружины, первый бросилъ, межъ ушей коня, копье на враговъ. Правда, оно падаетъ тутъ же, у ногъ коня, но это былъ починъ для боя, замѣченный всей княжеской ратью.

Художественно сильными чертами рисуетъ намъ этого чудо-богатыря русскаго наша прекрасная лѣтопись. Онѣ ходилъ на враговъ съ быстротой барса, были ли они на Волгѣ, или у горъ Кавказскихъ, или на синемъ Дунаѣ и у подошвы Балканъ. Въ походѣ онѣ не возилъ ни возовъ, ни котловъ, ни шатровъ. На стоянкахъ походныхъ онѣ не варилъ мяса, но, изрѣзавъ ломтями конину, или говядину и звѣрину, самъ пекъ ее на угольяхъ и ѣлъ; спалъ на землѣ сырой, подложивъ подъ себя конскій потникъ, а подъ голову боевое сѣдло. Таковажъ была и его дружина. Его львиное сердце было исполнено благородства. Этотъ князь-витязь не любилъ нападать на враговъ своихъ врасплохъ, а зараньше посылалъ сказать имъ: „иду на вы“, готовьтесь къ честному бою со мною. Его геройскій образъ, такъ дивно начер-

ченный въ лѣтописномъ преданіи, столь любимомъ у насъ въ старину, думаю, не разъ поднимался во весь ростъ предъ очами русскихъ людей, когда шли они на враговъ и будилъ въ груди ихъ благородную отвагу и непобѣдимую храбрость, чтобъ не посрамить земли Русскія.

При предшествующихъ князьяхъ осталось не вполнѣ включеннымъ въ составъ Русскаго государства еще одно восточно-славянское племя—вятичи, жившее на востокъ отъ Днѣпра по берегамъ Оки. Они платили дань хазарамъ. Чтобъ освободить ихъ отъ чужой власти, Святославъ бросился на хазаръ, побѣдилъ ихъ когана или хана, разорилъ его главный городъ на Дону Саркель или Бѣлую Вѣжу. Отсюда двинулся къ Кавказскимъ горамъ и побѣдилъ тамъ воинственныхъ ясовъ и касоговъ, подчинилъ себѣ здѣсь островъ Тамань или Тмутаракань между Азовскимъ и Чернымъ морями. Предпринималъ походы на богатый по торговлѣ народъ болгаръ, жившихъ на Камѣ и Волгѣ и разгромилъ ихъ городъ Великіе Болгары. Отсюда русскіе спустились на устье Волги и разгромили другую столицу хазаръ Итель.

Властитель большого государства на востокѣ Европы,—онъ рѣшился утвердиться на югѣ ея, на третьей великой рѣкѣ—Дунаѣ, у южныхъ славянъ - болгаръ дунайскихъ. Сюда звалъ его греческій императоръ Никифоръ Фока, тѣснимый съ юга арабами, а съ сѣвера болгарами; онъ отправилъ къ русскому князю своего посла Калокира, который сдружившись съ Святославомъ, уговорилъ его овладѣть Дунайскою Болгаріей.

Высоко поднялось могущество Болгарскаго государства при ихъ царѣ Симеонѣ, который едва не овладѣлъ и самою Византіей. Но послѣ смерти его, могущество болгаръ падаетъ. Они не успѣли сплотить всѣхъ балканскихъ славянъ воедино, какъ сдѣлали по отношенію къ восточнымъ славянамъ наши русскіе князья. При сла-

бомъ царѣ Петрѣ въ Болгаріи начались смуты, вслѣдствіе ереси богомиловъ, и Святославу не трудно было съ своими храбрыми дружинами разбить войска болгаръ, овладѣть ихъ столицей Переяславцемъ на Дунаѣ, ихъ крѣпостью Доростоломъ (нынѣшняя Силистрія) и другими городами. Старый Петръ отъ этихъ огорченій былъ разбитъ параличемъ и умеръ.

Когда Святославъ увлекся своими завоеваніями на Дунаѣ, нагрянула бѣда на Днѣпрѣ на Кіевъ. Здѣсь сидѣла престарѣлая Ольга съ своими малолѣтними внуками, сыновьями Святослава. Изъ степи пришли полчища печенѣговъ и обступили стольный городъ. Нельзя было ни выйти изъ него, ни вѣсти послать, и жители изнемогали отъ голода. На противоположномъ берегу собрались ратные люди на лодкахъ, но не смѣли напасть на печенѣговъ. Кіевляне встужили и стали говорить: „нѣтъ никого, кто бы пробрался на ту сторону и сказалъ нашимъ, что если они завтра не нападутъ на враговъ, мы сдадимся“. Вызвался одинъ молодой человекъ и сказалъ: „я пойду“. „Иди“, закричали ему всѣ. Вышедши изъ города и пробравшись съ уздой въ рукахъ въ станъ печенѣговъ, юноша сталъ спрашивать ихъ по-печенѣжски, не видали ли его коня? Принявъ его за своего, они подпустили его къ Днѣпру, а когда тотъ, сбросивъ одежду, поплылъ по рѣкѣ, стали пускать въ него изъ луковъ стрѣлы. Но было поздно, и съ противоположнаго берега къ нему плыла русская лодка. Узнавъ въ чемъ дѣло, воевода Претичъ сказалъ: „подступимъ завтра на лодкахъ, какъ-нибудь захватимъ княгиню съ княжатами и умчимъ ихъ на эту сторону; а не то Святославъ, какъ воротится, погубитъ насъ“. На разсвѣтѣ всѣ сѣли на лодки и громко затрубили въ трубы; кіевляне радостно откликнулись имъ; а печенѣги, подумавъ, что воротился Святославъ, отбѣжали отъ города.

Тѣмъ временемъ Ольга съ внуками сѣла на лодку и переплыла рѣку. Увидавъ это, печенѣжскій князь возвратился одинъ къ русскому воеводѣ Претичу и спросилъ его: „кто это пришелъ?“ Претичъ отвѣтилъ: „люди съ той стороны“. „А ты князь ли?—спросилъ печенѣгъ. „Я мужъ княжой и пришелъ въ сторожахъ, а по мнѣ идетъ полкъ съ княземъ,—несчетное множество войска“. Устрашенный печенѣгъ сказалъ воеводѣ: „будь мнѣ другомъ“. Тотъ согласился; оба они подали другъ другу руки и размѣнялись подарками. Печенѣгъ подарилъ Претичу коня, саблю и стрѣлы, а тотъ отдалъ ему бронею, щитомъ и мечомъ.

Кіевляне, продолжаетъ лѣтописное преданіе, послали сказать Святославу: „ты, князь, чужой земли ищешь и блюдешь ее, отъ своей же отрекся, чуть-чуть насъ не взяли печенѣги вмѣстѣ съ твоей матерью и дѣтьми; если не придешь и не оборонишь насъ, возьмутъ неминуемо; неужели тебѣ не жалко отчины своей, ни матери-старухи, ни дѣтей малыхъ?“

Святославъ съ дружиной сѣлъ на конь, пришелъ въ Кіевъ, поздоровался съ матерью и дѣтьми, разсердился на печенѣговъ, собралъ войско и прогналъ враговъ въ степь. Но не долго онъ насидѣлъ въ Кіевѣ и сказалъ онъ матери и боярамъ: „не любо мнѣ въ Кіевѣ, хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ: тамъ середина земли моей; туда со всѣхъ сторонъ сходитъ все лучшее; отъ грековъ золото, паволоки, вина, плоды разные; отъ чеховъ и венгровъ серебро и кони; изъ Руси мѣха, медъ, воскъ и рабы. Ольга на это сказала ему: „ты видишь, что я уже больна; куда же это ты отъ меня уходишь? Когда похоронишь меня, иди, куда хочешь“. Черезъ три дня умерла Ольга, и плакались по ней сынъ ея, внуки и люди всѣ плачемъ велимъ“. Ольга, какъ христіанка, запретила справлять по себѣ языческую тризну и была

по-христіански похоронена священникомъ православнымъ. Это была чудная утренняя заря—предвѣстница восхода на Руси солнца христіанскаго при внуку ея Владиміръ Святославичѣ.

Уходя опять въ Дунайскую Болгарію Святославъ посадилъ старшаго сына своего Ярополка въ Кіевѣ, другого—Олега въ землѣ древлянской. Новгородцы, не любя жить безъ князя и управляться посадникомъ, отправили къ Святославу просить у него князя: „если никто изъ вашего рода не пойдетъ къ намъ, то мы найдемъ себѣ князя“, говорили они. Бояринъ Добрыня внушилъ новгородцамъ просить себѣ въ князья младшаго сына—Владимира. Послы сказали: „дай намъ Владиміра“. „Возьмите“,

Новгородъ. Торговая сторона.

отвѣтили Святославъ и отпустилъ младшаго сына, вмѣстѣ съ дядей Добрыней въ Новгородъ, а самъ ушелъ на Дунай въ Болгарію. Но здѣсь уже встрѣтилъ не то. Болгары затворились въ Переяславцѣ и вышли изъ города на битву; сѣча была сильная, и враги стали было одо-

лѣвать. Тогда Святославъ сказалъ своимъ: „ужъ видно намъ здѣсь погибнуть; потягнемъ мужески, братья и дружино!“ Къ вечеру Святославъ одолѣлъ враговъ и копьемъ (т.-е. приступомъ) взялъ городъ. Отсюда онъ послалъ къ грекамъ сказать: „иду на васъ, хочу взять и вашъ городъ, какъ взялъ этотъ“. Греки было пообѣщали дань, но обманули русскихъ, и Святославу пришлось двинуться къ Цареграду. Но противъ него выслано было огромное войско, испугавшее и русскихъ. Въ этомъ критическомъ положеніи Святославъ сзываетъ свою дружину на военный совѣтъ и говоритъ: „ужъ намъ некуда дѣться; волей-неволей нужно стать противъ грековъ. Не посраимъ земли Русскія. Ляжемъ костью. Мертвіи бо срама не имутъ. Если же побѣдимъ, то некуда будетъ убѣжать отъ стыда. Станемъ же крѣпко. Я пойду передъ вами; и если сложу свою голову, вы сами о себѣ промышляйте“. Дружина, какъ одинъ человѣкъ, отвѣтила: „гдѣ твоя голова ляжетъ, княже, тамъ и мы свои головы положимъ“. Одушевленная такими словами великаго князя крѣпко ополчилась Русь и побила грековъ.

Пославъ, по совѣту грековъ, императоръ дары Святославу—золото и паволоки и велѣлъ смотрѣть ему въ лицо, на что онъ больше всего польстится. Мало обратилъ вниманіе на это Святославъ, сказавъ отрокамъ коротко: „спрячьте“. Тогда греки послали ему оружіе. Онъ принялъ его съ радостью, хвалилъ, любовался имъ и послалъ поклонъ царю. Греки сказали: „лють долженъ быть этотъ человѣкъ, что на богатство не смотритъ, а оружіе беретъ; дѣлать нечего, станемъ платить ему дань. Заключенъ былъ договоръ съ Святославомъ.

Но новый императоръ Іоаннъ Цимисхій, даровитый и отважный полководецъ, рѣшилъ вытѣснить русскихъ изъ Дунайской Болгаріи. Собравъ большое войско и двинувшись съ ними чрезъ Балканы, Цимисхій послалъ свой

флотъ чрезъ Черное море въ Дунайское устье. Какъ ни защищались русскіе, Переяславецъ былъ взятъ, и только немногіе изъ нашихъ успѣли спастись и пришли къ Святославу, занявшему Доростоль, гдѣ онъ былъ окруженъ и съ суши, и съ Дуная.

Геройская борьба Святослава съ греками длилась здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ и описанная византійскими историками представляетъ цѣлый рядъ поразительныхъ проявленій русскаго мужества. Отрѣзанные отъ родины, не получая ни откуда помощи ни людьми, ни припасами, русскіе защищались геройски. Они не прятались за городскими стѣнами и рѣдкій день не выходили на битвы съ непріятелемъ. Подавляя числомъ своимъ, греки могли принудить русскихъ къ отступленію, но не къ бѣгству. Разбитые въ полѣ, они шли медленно въ городъ, закинувъ за спины свои длинные щиты. По ночамъ, при свѣтѣ луны, они выходили на поле битвы, собирали тѣла павшихъ товарищей и сжигали ихъ на разложенныхъ кострахъ; приносили имъ въ жертву плѣнниковъ, рабовъ и женщинъ; приносили также въ жертву и младенцевъ, и пѣтуховъ, погружая ихъ въ волны Дуная. Снимая доспѣхи съ убитыхъ, греки находили между русскими женщинъ, одѣтыхъ въ мужское платье.

Цимисхій велѣлъ устроить метательные снаряды, бросавшіе камни въ городъ. Русскіе сдѣлали вылазку, чтобы уничтожить эти машины, но были отбиты. Имъ удалось однако убить сочтеннаго было за Цимисхія греческаго военачальника въ золоченыхъ доспѣхахъ; его отрубленную голову воткнули на копье и выставили на стѣнѣ города. Выбравъ бурную ночь, самъ Святославъ на ладьяхъ, незамѣченныхъ греческими судами, высадился съ 2000 воиновъ на берегъ и въ окрестныхъ селеніяхъ захватилъ много хлѣба и другихъ припасовъ.

Цимисхій, чтобы прекратить излишнее кровопролитіе,

предлагалъ Святославу рѣшить судьбу войны единоборствомъ, но нашъ князь сказалъ: „я лучше врага своего знаю, что мнѣ дѣлать; если жизнь ему наскучила, то много способовъ отъ нея избавиться; пусть выбираетъ любой“.

Въ войскѣ русскихъ былъ одинъ отличавшійся силой и ростомъ богатырь Икморъ, убивавшій много грековъ; а у послѣднихъ славился Анема. Однажды Анема пошелъ на Икмора и могучимъ ударомъ отрубилъ ему голову вмѣстѣ съ правою рукою. Опечаленные этою потерю русскіе должны были уйти въ городъ. Въ другой разъ тотъ же Анема своимъ ударомъ повергъ на землю нашего Святослава, но былъ убитъ подоспѣвшими русскими. Это ободрило нашихъ. Но дружина Святослава таяла отъ потерь въ битвахъ, и русскому князю пришлось заключить миръ съ Іоанномъ Цимисхіемъ. Русскіе обѣщались очистить Болгарію, не воевать съ греками, но получили свободный выходъ изъ Придунайской страны и прежнія условія относительно торговли съ Византіей.

Оба героя этой войны имѣли свиданіе на берегу Дуная. Іоаннъ Цимисхій подѣхалъ къ условленному мѣсту на конѣ въ блестящихъ золотомъ доспѣхахъ и вооруженіи, въ сопровожденіи отряда всадниковъ, богато вооруженныхъ. Въ это время къ берегу подходила лодка, въ которой сидѣли гребцы на веслахъ, одѣтые въ бѣлыя одежды. Среди нихъ сидѣлъ и нашъ Святославъ съ весломъ въ рукѣ. Съ любопытствомъ греки смотрѣли на русскаго героя, когда онъ всталъ въ лодкѣ. Онъ былъ средняго роста, статенъ, широкоплечъ, съ мускулистой шеей. У него были голубые глаза и густыя брови, длинные усы, нѣсколько плоскій носъ. Голова его была гладко обстрижена. Только съ середины ея спускался длинный локонъ или чубъ. Въ одномъ ухѣ блестѣла золотая серьга съ рубиномъ и двумя жемчужинами. Ко-

ротко чрезъ переводчика поговорилъ нашъ великій князь съ императоромъ, затѣмъ подалъ знакъ гребцамъ и самъ сѣлъ на весла; лодка поплыла внизъ по Дунаю.

Іоаннъ Цимисхій съ триумфомъ вступилъ въ свою столицу, а нашего Святослава у Днѣпровскихъ пороговъ поджидали получавшіе греческое золото печенѣги. Свѣнельдъ совѣтовалъ ему идти на коняхъ степью въ Кіевъ. Но Святославъ не внялъ совѣту и палъ геройской смертью подъ ударами печенѣговъ. Ихъ князь Куря велѣлъ черепъ его оправить въ серебро и сдѣлать изъ него застольную чашу, служившую, конечно, предметомъ великой гордости для печенѣговъ.

V.

Первое столѣтіе государственной жизни нашей.—Владимір Святославичъ въ борьбѣ его съ братьями.—Язычество нашихъ предковъ.—Владимір собирается перемѣнить вѣру.—Посольства къ нему отъ разныхъ народовъ съ предложеніями вѣры.—Русскіе послы наблюдаютъ религіи разныхъ народовъ въ ихъ странахъ.—Война съ греками.—Крещеніе Владиміра и кіевлянъ.—Правленіе Владиміра.—Перемѣна въ его жизни.—Смерть Св. Владиміра и его историческое значеніе.

Мы окончили прошлое наше чтеніе смертью Святослава, въ 972 году. Прошло всего 110 лѣтъ съ основанія Русскаго государства. Но въ это первое столѣтіе было уже много сдѣлано: восточные славяне, прежде разрозненные на отдѣльныя враждующія племена, были объединены въ одно государство, въ одинъ народъ; появилось сознаніе единой Русской земли, ея достоинства и славы. Вырвавшееся изъ устъ Святослава, въ критическую минуту, когда этотъ князь-государь былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ врагами, восклицаніе: „не посрамимъ земли Русскія, ляжемъ за нее костями“, свидѣтельствуетъ, что наши предки въ то время дорожили Русскимъ государствомъ и его честью. И не напрасно восточные славяне создали свое государство, стремясь къ установленію у себя правды, коей у нихъ не было въ догосударственное время. Не вдругъ вырабатывается эта правда, и выработанная, какъ и все человѣческое, не является совершенствомъ, но важенъ уже самый починъ. Договоры съ греками, устанавливая наказанія за преступленія, уже говорятъ, наравнѣ съ закономъ греческимъ, о русскомъ законѣ, который охраняетъ на-

рядъ или порядокъ государственный и который уже скоро появится въ видѣ особаго русскаго законодательства: устава Св. Владиміра и Русской Правды Ярославъ Мудраго, Сила русскаго оружія, щита и меча становится честной и грозной не только для азіатскихъ народовъ, какъ для хазаръ, печенѣговъ, касоговъ и друг., но и для европейскихъ, каковы дунайскіе болгары и сами греки Византійской имперіи. На Русское государство уже можно положиться, если съ нимъ эта имперія заключаетъ трактаты или договоры.

Страницы русской лѣтописи въ первое столѣтіе нашего государства свидѣтельствуютъ, что мы не уступимъ въ дарованіяхъ и подвигахъ своихъ государей ни одному изъ народовъ запада. Нашъ вѣщій Олегъ, наша мудрая Ольга, нашъ неустрашимый Святославъ съ честью выдержать сравненіе съ государями народовъ запада за соотвѣтствующее время. Это было благимъ предзнаменованіемъ въ нашей исторіи, при самомъ ея началѣ.

Но прошло всего 126 лѣтъ съ основанія Русскаго государства, какъ на Руси начинается новая и плодотворная эпоха: Русь принимаетъ христіанство, становится народомъ христіанскимъ, православнымъ. Христіанство еще болѣе сплачиваетъ русскихъ въ одно цѣлое и поднимаетъ на новую высоту жизнь этого цѣлаго, даетъ ему еще новую правду, которой не знала языческая Русь.

Всемирная или всеобщая исторія ведетъ свое лѣтосчисленіе по годамъ и вѣкамъ до Рождества Христова и послѣ Рождества Христова и этимъ самымъ говоритъ, что средоточіемъ исторіи, ея важнѣйшимъ поворотнымъ пунктомъ служить христіанство. Древняя исторія народовъ—это исторія безъ вліянія на нихъ христіанства, новая исторія—это исторія народовъ подъ вліяніемъ христіанства. И это вліяніе неизмѣримо по своей благотворности для исторической жизни народовъ. Вотъ по-

чему исторія ярко отмѣчаетъ начало христіанства у
каждаго народа и высоко ставитъ тѣхъ историческихъ
дѣятелей, которые вводятъ народы подъ сѣнь христіан-
ской церкви, вотъ почему и сынъ Святослава—Влади-
миръ Равноапостольный, просвѣтивъ свой народъ свѣтомъ
Христового ученія, затмить своею славой всѣхъ своихъ
предшественниковъ и не будетъ поставленъ въ тѣнь
своими преемниками, какою бы славою они ни пользо-
вались.

И самъ Владиміръ Святославичъ до принятія христі-
анства былъ не то, чѣмъ сталъ послѣ своего крещенія,
и его народъ глубоко измѣнился подѣ вліяніемъ Христо-
вой вѣры.

ВЛАДИМИРЪ НА СТОЛѢ

Съ монетныхъ надписей.

Мы знаемъ, что онъ по волѣ своего отца, подѣ руко-
водствомъ своего дяди Добрыни, княжилъ въ Новгородѣ,
когда Святославъ былъ убитъ печенѣгами. Послѣ его
смерти возобновились тѣ усобицы, которыя были въ до-
государственное время, когда одинъ родъ возставалъ на
другой, когда не было въ нашей землѣ правды.

Неправда овладѣла двумя братьями Владиміра. У Яро-
полка, княжившаго въ Кіевѣ, совѣтчикомъ и руководи-
телемъ былъ извѣстный намъ воевода Свѣнелдъ. Сынъ
его Лють, гоняясь на охотѣ за звѣремъ, забрался въ
лѣса Олега древлянскаго какъ разъ въ то время, когда
тотъ былъ на ловахъ именно въ тѣхъ мѣстахъ. Узнавши,
кто такой Лють, Олегъ убилъ его. Свѣнелдъ, желая
отомстить за сына, не переставалъ твердить Ярополку:
„поди на брата и возьми волость его“. Кіевскій князь,
послушавшись своего совѣтника, идетъ съ своею ратью

на брата. Древлянскій князь былъ разбитъ и побѣжалъ въ городъ Овручъ. Но на мосту, перекинутомъ чрезъ ровъ у городскихъ воротъ, произошла давка, въ которой и Олега столкнули въ ровъ; туда попадали лошади, раздавившіе тамъ и людей; въ числѣ ихъ погибъ и Олегъ. Когда, послѣ долгихъ поисковъ, нашли его трупъ, принесли Ярополку и положили его предъ нимъ на коврѣ, братъ началъ плакаться надъ убитымъ и укорялъ Свѣнelda: „порадуйся теперь,—твое желаніе исполнилось“.

Третій Святославичъ, Владиміръ, узнавъ о смерти Олега и страшась и за свою жизнь, бѣжалъ со своимъ дядей Добрыней за море. Ярополкъ, присоединивъ къ себѣ и его волость и назначивъ въ нее своихъ посадниковъ, сталъ одинъ владѣть Русскою землею.

Чрезъ три года Владиміръ возвратился съ варягами и прогналъ изъ Новгорода Ярополковыхъ посадниковъ и велѣлъ имъ сказать брату: „Владиміръ идетъ на тебя, приготовляйся къ войнѣ. Но борьба братьевъ началась изъ-за невѣсты раньше ихъ встрѣчи. Ярополкъ былъ сговоренъ съ княжной Рогнѣдой, дочерью полоцкаго князя Рогвольда. И Владиміръ сталъ свататься за ту же Рогнѣду. Отецъ, не отказывая новгородскому князю, отдалъ отвѣтъ на волю дочери. Она сказала, что „не хочетъ разуть робычича“, т.-е. выйти за него замужъ. Владиміръ родился отъ Малуши, рабыни-ключницы Ольги. Такой отвѣтъ былъ оскорбленіемъ и князю и его дядѣ, брату Малушину Добрынѣ. Въ то время, какъ Рогнѣду готовились свадебнымъ поѣздомъ везти къ Ярополку, Владиміръ, съ войскомъ изъ варяговъ, новгородцевъ, кривичей и чуди, нападаетъ на Полоцкъ, убиваетъ Рогвольда и двухъ его сыновей и женится на Рогнѣдѣ, а княжество полоцкое беретъ себѣ.

О судьбѣ ея народное преданіе гласитъ слѣдующее:

когда Владимірѣ утвердился въ Кіевѣ, то набралъ себѣ много другихъ женъ, а на Рогнѣду не обращалъ вниманія. Но однажды пришелъ къ ней и заснулъ въ ея теремѣ. Она хотѣла его зарѣзать его же ножомъ, но онъ внезапно проснулся и удержалъ ея руку. Она сказала мужу: „ужъ мнѣ горько стало: отца моего убилъ и землю его полонилъ для меня, а теперь не любишь меня и младенца моего“. Владимірѣ приказалъ ей одѣться во все княжеское платье, какъ она была одѣта на свадьбу, сѣсть на богатой постели и ожидать его. Опасаясь казни, она дала своему маленькому сыну Изяславу въ руки мечъ и научила, что сказать отцу. Когда явился Владимірѣ, сынъ сказалъ ему: „развѣ ты думаешь, что ты здѣсь одинъ?“ „А ктожъ тебя зналъ, что ты здѣсь“, сказалъ Владимірѣ и велѣлъ позвать бояръ на совѣтъ. Тѣ сказали: „ужъ не убивай ее ради этого ребенка, но возстанови ея отчину и дай ей ее съ сыномъ“. Поступилъ по этому совѣту Владимірѣ и даже построилъ сыну своему городъ Изяславль.

Когда Владимірѣ съ войскомъ двинулся на Ярополка, тотъ не былъ въ состояніи биться съ нимъ въ открытомъ полѣ и затворился въ Кіевѣ въ осаду. Главнымъ княжимъ совѣтникомъ былъ воевода Влудъ. Новгородскій князь, переманивая его на свою сторону, велѣлъ сказать ему: „помоги мнѣ; если я убью брата, ты будешь мнѣ вмѣсто отца и получишь большую честь“. „Не я, говорилъ онъ, началъ избивать братьевъ, а онъ; я пришелъ на него, побоявшись такой же участи“. Влудъ согласился и сталъ подавать Ярополку коварные совѣты; отклоняя его отъ вылазокъ изъ Кіева, страдалъ его: „Кіевляне ссылаются съ Владиміромъ, зовутъ его на приступъ и хотятъ предать тебя“. Ярополкъ послушался, выбѣжалъ изъ Кіева и затворился въ городѣ Роднѣ, на рѣкѣ Роси, впадающей въ Двѣпръ, гдѣ скоро началъ

ся голодъ, отчего сложилась пословица: „бѣда, какъ на Роднѣ“. „Видишь, сколько войска у брата твоего? Намъ ихъ не перебороть; мирись съ братомъ“, продолжалъ Блудъ. Тотъ согласился, а коварный совѣтчикъ послалъ сказать Владиміру: „твое желаніе сбылось: приведу къ тебѣ Ярополка, а ты распорядись, какъ бы убить его“. Ярополку же говорилъ: „ступай къ брату и скажи ему, что дашь, то и возьму“. Одинъ изъ дружинниковъ Варяжко говорилъ Ярополку: „не ходи, княже, убьютъ тебя, лучше бѣги къ печенѣгамъ и приведи отъ нихъ войско“. Но князь не внялъ предостереженію и пошелъ къ Владиміру, а когда входилъ въ двери, два варяга прокололи его мечами, а Блудъ затворилъ двери и не далъ своимъ войти за нимъ. Такъ, по-язычески дѣйствовали въ то время. Ярополкъ любилъ христіанъ и, по всей вѣроятности, самъ скоро крестился бы и, кажется, за это не любимъ былъ язычниками въ Кіевѣ.

Владиміръ ознаменовалъ свое утвержденіе въ Кіевѣ и единодержавіе на Руси энергическимъ подъемомъ язычества,—ревностнымъ служеніемъ богамъ. Но это было послѣдней вспышкой жизни язычества предъ его паденіемъ отъ того же Владиміра.

Религія восточныхъ славянъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: они вѣровали въ боговъ двухъ родовъ. Одни олицетворяли силы внѣшней природы, другіе—души умершихъ предковъ.

Славяне наши, какъ и другіе, какъ и всѣ индоевропейскіе народы, обоготворяли стихію свѣта. Первоначальнымъ божествомъ у нихъ былъ богъ неба Сварогъ. Солнце и огонь у нихъ назывались сварожичами, т. е. дѣтьми Сварога. Но солнце небесное у нихъ почиталось подъ именемъ Дажь-бога, который былъ источникомъ жизни не только для природы, но и для людей, внуковъ Дажь-бога. Тоже солнце почиталось у насъ подъ

именемъ Хорса. Даже богъ домашняго скота Волось или Велесь былъ въ связи съ солнцемъ, подобно греческому Геліосу, солнцу. Тотъ же Волось считался покровителемъ пѣвцовъ, какъ и у грековъ солнечное божество Аполлонъ. Всѣ праздники зимніе, весенніе и лѣтніе, были связаны съ перемѣнами въ положеніи солнца. Когда солнце поворачивало на лѣто, а зима на морозъ, наши предки, около нынѣшняго Рождества Христова, праздновали коляду и колядовали, т. е. пѣли особыя пѣсни колядскія и совершали гаданія. Когда кончалась зима и подступала весна совершали празднества въ честь Ярилы, требовавшаго круглыхъ, какъ солнце, блиновъ. Весна-красна встрѣчалась на красной горкѣ хороводами и пѣснями въ честь Лады и Леля. Конецъ ея справлялся купальскими празднествами, соединенными съ плетеніемъ вѣнковъ и прыганьемъ чрезъ огонь костровъ. Предъ принятіемъ христіанства изъ небесныхъ боговъ особенно чествовался богъ молніи и грома Перунъ. Вообще всѣ боги неба были врагами тьмы и холода, зимы и ночи, смерти и зла, кои были подъ властью Черно-бога, Кащея-безсмертнаго, Бабы-яги и ночныхъ вѣдьмъ.

Мать-сыра-земля давала нашимъ предкамъ своихъ боговъ. Воздухъ ее окружающій былъ во власти Стрибога и стрибожихъ внуковъ, олицетворявшихъ собою вѣтры. Вода находилась подъ властью Мокоша и его водяныхъ и русалокъ. Лѣсами завѣдывали лѣсовики или лѣшіе. Такимъ образомъ, нашимъ предкамъ вся природа представлялась одушевленной живыми божественными силами.

На ряду съ этими силами и явленіями природы восточные славяне обоготворяли души умершихъ предковъ. Родичи обоготворяли своихъ Родъ и Рожаницу, т. е. души родоначальника и родоначальницы. Родоначальникъ назывался еще шуромъ и прашуромъ. Къ нему, какъ было

сказано, обращались родичи съ охранительными заклѣтіями (чуръ меня), онъ размножалъ родъ посредствомъ рожденія дѣтей, разгнѣванный на родичей онъ посылалъ на дѣтей родимцы и другія болѣзни. Семья имѣла свое божество домашняго очага, которое сидѣло за печью, — дѣдушку домового.

Погребеніе умершаго большею частью совершалось посредствомъ сожиганія. Въ жертву умершему приносились одежда, пища, кони, волы, домашняя птица, рабы, его женка, а если онъ не былъ женатъ, то дѣвушка. Все это сжигалось вмѣстѣ съ покойникомъ, чтобы онъ могъ пользоваться всѣмъ этимъ въ своей загробной жизни.

Восточные славяне не строили своимъ богамъ храмовъ, но ставили ихъ изображенія или идоловъ на высокихъ мѣстахъ, огороженныхъ въ видѣ такъ-называемыхъ городищъ. Они не имѣли у себя жреческаго сословія если не считать жрецами волхвовъ или кудесниковъ. Жертвы богамъ обыкновенно приносили старшіе въ родахъ, старцы въ общинахъ и сами князья среди своихъ племенъ. Жертвы состояли изъ плодовъ земли, кушаній и разныхъ напитковъ. Но приносились и кровавыя жертвы, для коихъ убивались животныя, а рѣже люди.

Лѣтопись говоритъ: „началъ княжить Владиміръ въ Кіевѣ одинъ и поставилъ кумиры на холмѣ внѣ двора теремного: Перуна деревяннаго, а голова у него серебряная, усъ золотой, Хорса-Дажбога, Стрибога, Симаргли (неизвѣстное божество) и Мокоша. Приносили имъ жертвы, называя богами, приводили сыновей и дочерей и приносили жертвы бѣсамъ. Осквернилась, говоритъ лѣтопись, кровью земля Русская и холмъ тотъ“ Дядя великаго князя Добрыня также ставилъ кумировъ на берегахъ Волхова въ Новгородѣ. Но такой подъемъ язычества привелъ, наконецъ, къ христіанскому муче-

ничеству въ Кіевѣ. Возвратясь въ 983 году изъ труднаго похода противъ литовскаго племени Ятвяговъ, Владиміръ, вмѣстѣ съ своими людьми, приносилъ жертву кумирамъ. Но бояре и старцы градскіе сказали: „кинемъ жребій на отроковъ и дѣвицъ: на кого падеть жребій, принесемъ въ жертву богамъ. Жребій палъ на юнаго варяга - христіанина, прекраснаго лицомъ и душою. Отецъ его пришелъ изъ Византіи и былъ христіаниномъ. Посланные отъ народа, придя къ старику варягу, сказали: „палъ жребій на твоего сына; богамъ угодно взять его себѣ, и мы хотимъ принести его въ жертву имъ“. Тотъ отвѣчалъ: „у васъ—не-боги, а дерево; нынче есть, а завтра сгніетъ: не ѣдятъ, ни пьютъ, ни говорятъ, но сдѣланы руками человѣческими изъ дерева; а Богъ одинъ, Которому служатъ греки, Который сотворилъ небо и землю, звѣзды и луну, и солнце и человѣка, и далъ ему жизнь на землѣ; а эти боги, что сдѣлали? Сами дѣланные. Не дамъ сына своего бѣсамъ!“ Народъ вооружившись двинулся къ дому варяга и разломалъ заборъ вокругъ него. Толпа яростно кричала: „дай сына своего богамъ“. Но христіанинъ отвѣчалъ: если они боги, то пусть приплотъ кого-нибудь изъ своихъ взять сына моего, а вы о чемъ хлопочете?“ Толпа бросилась къ дому, подрубила подъ ними сѣни и убила ихъ обоихъ. Язычество торжествовало, но слова христіанина: „ваши боги—дерево; Богъ одинъ, Который сотворилъ все“, звучали смертнымъ приговоромъ безмолвнымъ Перуну, Дажь-богу и Стрибогу. Многіе послѣ этого извѣрились въ язычествѣ, а главное извѣрился самъ Владиміръ.

Сказаніе о принятіи христіанства и о крещеніи русскаго народа представляется единственнымъ во всѣхъ лѣтописяхъ европейскихъ народовъ.

Вы помните, что наша начальная лѣтопись рисуетъ

намъ такую картину происхожденія у насъ государства, какой мы не найдемъ у другихъ народовъ. Сознательное и добровольное рѣшеніе самихъ славянъ вручить надъ собою Верховную Власть Государю-князю представляетъ отличительную особенность происхожденія нашего государства и условіе особыхъ отношеній народа къ носителямъ этой власти. Точно также и принятіе христіанства Владиміромъ совершилось вслѣдствіе того, что онъ сознательно убѣдился въ его истинѣ и добровольно выбралъ его изъ числа другихъ религій. Его примѣру послѣдовалъ добровольно народъ. Въ этомъ заключаются и особыя отношенія и власти и народа къ христіанству.

Чтобы вамъ стало яснѣе сказаніе лѣтописи объ этомъ, я расскажу вамъ нѣсколько примѣровъ принятія христіанства у западныхъ народовъ.

Возьмемъ, напр., саксовъ, жившихъ по рѣкѣ Эльбѣ и поклонявшихся своимъ воинственнымъ богамъ. Своими нападеніями на владѣнія франковъ, они вынудили ихъ государя Карла Великаго воевать съ собою. Побѣдивъ ихъ, онъ для замиренія съ собою саксовъ, рѣшилъ сдѣлать ихъ христіанами. Онъ оставилъ въ ихъ землѣ латинскихъ (папскихъ) миссіонеровъ, вмѣстѣ съ франкскими гарнизонами. Но лишь только онъ ушелъ отъ нихъ, саксы перебили франкскихъ воиновъ и изгнали христіанскихъ проповѣдниковъ. Много разъ, въ теченіе тридцати лѣтъ, пришлось Карлу предпринимать такого рода крестовые походы противъ саксовъ, пока, наконецъ, ихъ предводитель герцогъ Витекинъ не явился въ станъ Карла и не принялъ тамъ крещенія. Подобными же войнами были обращены нѣмецкими рыцарями въ католическую вѣру эсты и латыши, живущіе на Западной Двинѣ, и пруссы, жившіе на устьѣ Вислы.

Во многихъ случаяхъ и добровольное принятіе христіанства на западѣ носитъ иной характеръ, чѣмъ у на-

шего Владиміра. Вотъ примѣръ: предшественникъ Карла Великаго—король франковъ Хлодвигъ въ битвѣ съ Алеманами громко далъ обѣтъ креститься, если побѣдитъ ихъ. Когда, при помощи христіанъ, бывшихъ въ его войскѣ, побѣда была одержана, онъ принимаетъ крещеніе. Но предъ самымъ таинствомъ онъ обнаруживаетъ глубокое непониманіе христіанства. Христіанскій епископъ, готовя его къ крещенію, говорилъ ему объ искупительной смерти Христа Спасителя и передалъ, какъ іудеи и римляне распяли Его на крестѣ. При этихъ словахъ Хлодвигъ схватывается за свой мечъ и говоритъ: „будь я тамъ съ своими франками, я жестоко отмстилъ бы за Него. Непроникнутый разумѣніемъ христіанства, онъ и послѣ крещенія всю жизнь остается мстительнымъ, жестокимъ и коварнымъ язычникомъ.

Не такъ принялъ крещеніе нашъ Владиміръ и не такимъ, какимъ былъ въ язычествѣ, сталъ въ христіанствѣ.

Когда онъ рѣшилъ оставить язычество, онъ не вдругъ, а послѣ долгой работы надъ собою, послѣ прилежнаго ознакомленія съ другими религіями, избираетъ новую вѣру.

Прознавъ о намѣреніи Владиміра перемѣнить свою вѣру, сосѣдніе народы присылаютъ къ нему своихъ пословъ съ предложеніемъ своей вѣры каждый. Первыми пришли въ Кіевъ болгары (камскіе) вѣры магометовой и сказали: „ты — князь мудрый и смысленный, а не знаешь закона (истиннаго); вѣруй въ нашъ законъ и поклонись Магомету. И спросилъ Владиміръ: „въ чемъ состоитъ ваша вѣра?“ „Вѣруемъ въ Бога, говорили они; а Магометъ заповѣдуетъ намъ обрѣзаніе, не ѣсть свинины, не пить вина; а по смерти дастъ Магометъ каждому по семидесяти женъ прекрасныхъ... И иную многую лесть, по словамъ лѣтописи, говорили, чего и писать нельзя срама ради“. Понравилось Владиміру, что было говорено о женахъ, но не по душѣ ему было

обрѣзаніе и запреты въ пищу, а о запрещеніи пить и слышать онъ не хотѣлъ, сказавъ: „Руси есть веселіе пити, не можетъ бо безъ того быти“.

Потомъ явились нѣмцы, говоря: „пришли мы (къ тебѣ) посланные отъ папы; земля твоя, какъ и земля наша, а вѣра ваша, не какъ наша... и стали говорить о вѣрѣ своей. Владиміръ сказалъ нѣмцамъ: „идите назадъ: ибо отцы наши сего не принимали“. Услыхавъ объ этомъ, пришли жида хазарскіе съ словами: „слышали мы, что приходили болгары и христіане, уча тебя каждый своей вѣрѣ; христіане вѣрують въ Того, Кого мы распяли, а мы вѣруемъ во единого Бога Авраамова, Исаакова, Іаковлева“. И спросилъ Владиміръ: „что есть законъ вашъ?“ Они отвѣчали: „обрѣзываться, не ѣсть свинины и заячины, хранить субботу“. „А гдѣ земля ваша“, спросилъ Владиміръ. Тѣ отвѣчали: „въ Іерусалимѣ, но разгнѣвался Богъ на отцовъ нашихъ и расточилъ насъ по разнымъ землямъ за грѣхи наши, и предана была земля наша христіанамъ“. Русскій князь сказалъ: „какъ же другихъ учите, когда сами отвержены Богомъ и расточены?.. Или вы хотите, чтобы и съ нами случилось тоже?“ Послѣ этого прислали греки въ Кіевъ философа, который, высказавъ осужденіе тѣхъ вѣръ, кои предлагались прежде, сталъ говорить о Христѣ, какъ Богѣ, сошедшемъ на землю и принявшемъ крестную смерть. „Но для чего, спросилъ Владиміръ, Богъ сошелъ на землю и принялъ страданіе?“ „Если хочешь, отвѣчалъ философъ, скажу тебѣ по порядку и обстоятельно. „Послушаю, радъ“, сказалъ князь. Полилась рѣчь философа, изложившаго въ главныхъ чертахъ исторію Вѣтхаго и Новаго Завѣта. Въ заключеніе онъ говорилъ о страшномъ судѣ Христа и показалъ Владиміру картину его, на которой тотъ увидалъ одесную Спасителя праведныхъ, идущихъ въ рай, а ошуюю грѣшныхъ, идущихъ въ муку вѣчную.

Владимиръ вздохнулъ и сказалъ: „добро симъ одесную, горе же симъ ошуюю“. „Если хочешь стать съ первыми одесную, крестись“. Князь, положивъ въ сердцѣ своемъ эти слова, сказалъ: „подожду еще мало“ и съ честью и дарами отпустилъ греческаго проповѣдника.

Созвалъ великій князь бояръ своихъ и городскихъ старцевъ и повѣдалъ имъ о приходившихъ къ нему послахъ и спросилъ: „какъ вы мнѣ ума прибавите (своимъ совѣтомъ)?“ Они отвѣчали: „знаешь, князь, что свое никто не хулитъ, а хвалитъ; если хочешь испытать хорошенько, то имѣешь у себя мужей, пошли ихъ посмотрѣть службу (Богу) у каждаго народа“. Эта рѣчь была любя князю; избрали 10 мужей добрыхъ и смысленыхъ и отправили ихъ въ разныя земли, откуда приходили послы. Въ Цареградѣ, по приказанію императора, патриархъ съ особою торжественностью совершилъ для нихъ богослуженіе въ Софійскомъ соборѣ, которое произвело на нихъ неизгладимо глубокое впечатлѣніе.

Возвратившись въ Кіевъ они рассказывали: „ходили мы къ болгарамъ и смотрѣли, какъ они поклоняются въ ропати (мечети): стоятъ безпоясые; поклонившись, сядетъ (на корточки) и смотреть туда и сюда, какъ бѣшенный. Нѣтъ веселья въ нихъ, но печаль и смрадъ великъ. Нѣтъ добръ законъ ихъ“. Потомъ мы пришли къ нѣмцамъ и видѣли, что они творятъ въ храмахъ своихъ многія службы, но красоты не видали никакой. Послѣ этого пришли мы къ грекамъ, и ввели они насъ туда, гдѣ служатъ Богу своему. И не знаемъ мы — на небѣ мы были или на землѣ, ибо на землѣ нельзя видѣть такой красоты. Не умѣемъ вамъ рассказать, только то знаемъ, что тамъ Богъ пребываетъ съ людьми; и служба ихъ превосходитъ службу всѣхъ другихъ странъ; мы не можемъ забыть такой красоты. Какъ всякій человѣкъ, если попробуетъ сладкаго, послѣ уже не хочетъ горь-

каго; такъ и мы не хотимъ здѣсь оставаться. Если бы худъ былъ законъ греческій, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, которая была мудрейшею изъ всѣхъ людей“. Владиміръ сказалъ: такъ гдѣ же крестимся? Бояре отвѣтили: „гдѣ любо тебѣ, князь“. Но онъ и тутъ не сразу исполнилъ свое желаніе.

Чрезъ годъ случилась война съ греками, и Владиміръ выступилъ съ войскомъ на Корсунь, греческій городъ на Таврическомъ полуостровѣ, вблизи нынѣшняго Севастополя. Корсунцы затворились въ городѣ въ осаду и крѣпко отбивались отъ русскихъ. Великій князь объявилъ, что если они не сдадутся, то онъ хотъ три года простоить подъ городомъ и велѣлъ, по обычаю славянскому, присыпать валъ около городскихъ стѣнъ. Но корсуняне, подколавъ стѣну, по ночамъ уносили землю въ городъ. Въ это время одинъ грекъ, по имени Анастасъ, пустилъ въ русскій станъ стрѣлу съ запиской къ Владиміру: „за тобой съ восточной стороны лежатъ колодцы; отъ нихъ идетъ вода въ городъ; перекопай и перейми ее“.

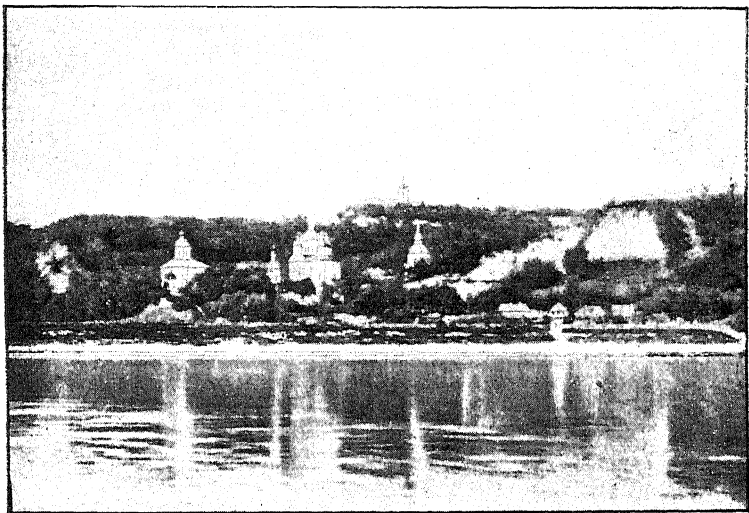
Владиміръ, взглянувъ на небо, сказалъ: „если это сбудется, я крещусь“. Начали копать и воду переняли. Изнемогши отъ жажды, корсунцы сдались. Нашъ великій князь послалъ сказать царямъ греческимъ Константину и Василию: „я взялъ вашъ славный городъ; слышу, что у васъ сестра въ дѣвицахъ; если не отдадите ея за меня, то и съ вашимъ городомъ будетъ тоже, что съ Корсунемъ“. Императоры отвѣчали: „не слѣдуетъ христіанамъ отдавать родственницъ за язычниковъ. Но если крестись, то и сестру нашу получишь и вмѣстѣ царство небесное и съ нами будешь единовѣрцемъ“... „Скажите царямъ, отвѣчалъ Владиміръ, что я крещусь; я уже прежде испыталъ вашъ законъ, любы мнѣ вапа вѣра и служенъе, о которыхъ мнѣ рассказывали посланные наши мужи“. Царевнѣ Аннѣ очень не хотѣлось идти въ чужую

землю. „Иду, говорила она, точно въ полонѣ, лучше бы мнѣ здѣсь умереть“. Но братья указывали, что это приведетъ къ крещенію русскихъ и избавитъ имперію отъ большихъ бѣдъ. И Анна въ сопровожденіи вельможъ и пресвитеровъ отправилась на кораблѣ въ Корсунь. Торжественно встрѣченная тамъ, она застала жениха своего ослѣпшимъ отъ глазной болѣзни. „Если хочешь исцѣлиться, говорила невѣста, то крестись скорѣе“. Владиміръ изъявилъ на это свою готовность. Епископъ корсунскій, съ царевнинными священниками, наставивъ Владиміра въ вѣрѣ, крестили его. Когда возложили на него руки, онъ прозрѣлъ и сказалъ: „теперь только я узналъ истиннаго Бога“. Видя это, крестились многіе и изъ дружины его. Скоро Владиміръ и Анна были повѣнчаны.

Взявъ съ собою Анастаса, священниковъ корсунскихъ, мощи свв. Климента и Фива, сосуды церковные и иконы, а также двѣ статуи и четырехъ мѣдныхъ коней, княжеская чета поплыла Днѣпромъ въ Кіевъ. Прибывъ сюда, Владиміръ прежде всего крестилъ сыновей своихъ и людей ближнихъ. Затѣмъ велѣлъ ниспровергнуть идоловъ. Однихъ разѣкли на части, другихъ сожгли, а главнаго Перуна привязали лошади къ хвосту и потащили съ горы, а двѣнадцать человѣкъ въ поруганіе били истукана палками. Когда его волокли въ Днѣпръ, народъ плакалъ по немъ; а когда Перунъ поплылъ по рѣкѣ, приставленные люди палками отталкивали его отъ берега, пока не пройдетъ пороги. Язычники кричали: „выдыбай, боже, выдыбай, Перуне!“ И онъ причалить къ одному мысу, гдѣ послѣ былъ построенъ монастырь, названный Выдубицкимъ.

Послѣ этого священники ходили по городу съ проповѣдью христіанскою. Многіе съ радостью крестились, но многіе, будучи преданы старой вѣрѣ, отказывались отъ крещенія. Тогда князь послать повѣстить по го-

роду, чтобы на другой день всѣ некрещенные шли на Днѣпръ; кто-жъ не явится будетъ противникомъ князю. Большинство народа исполнило волю государя, сказавъ: „если бы новая вѣра не была хороша, то князь и бояре

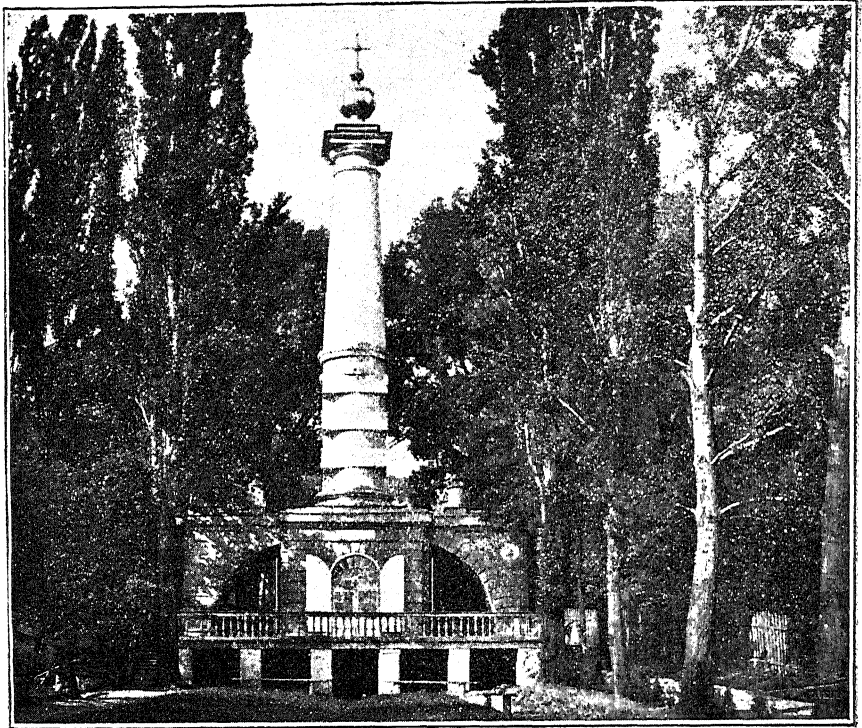

Выдубицкій монастырь въ Кіевѣ.

не приняли бы ея“. Владиміръ съ священниками и иконами вышелъ на Днѣпръ, гдѣ въ него впадала Почайна. Некрещенные вошли въ воду и стояли одни по шею, другіе по грудь. Несовершеннолѣтніе стояли у берега, взрослые держали на рукахъ дѣтей; а уже крещенные бродили по рѣкѣ, уча другихъ, какъ держать себя при совершеніи таинства и стали ихъ воспріемниками.

Присланный изъ Цареграда митрополитъ съ священниками, Добрыней и Анастасомъ ходили на сѣверъ и крестили по пути народъ, встрѣтивъ лишь въ одномъ Новгородѣ сопротивленіе. Когда сюда дошла вѣсть о проповѣдникахъ новой вѣры вѣче поклялось ихъ не пускать въ городъ. Къ приходу Добрыни новгородцы разобрали мостъ на Волховѣ. Особенно подстрекала ихъ къ сопротивленію волхвъ Богомилъ и тысяцкій Угоняй.

Разоренъ былъ домъ Добрыни, убита была его жена и нѣкоторые изъ родни. Но тысяцкій Путята усмирить мятежниковъ, а Добрыня пожегъ часть города. Тогда

Крещатики въ Кіевѣ.

новгородцы крестились въ Волховѣ. Но отсюда сложилась пословица, что Путята крестилъ ихъ мечомъ, а Добрыня огнемъ. Самъ Владиміръ предпринималъ съ священниками путешествія и училъ народъ христіанству и крестилъ его. Всюду христіанство принималось добровольно.

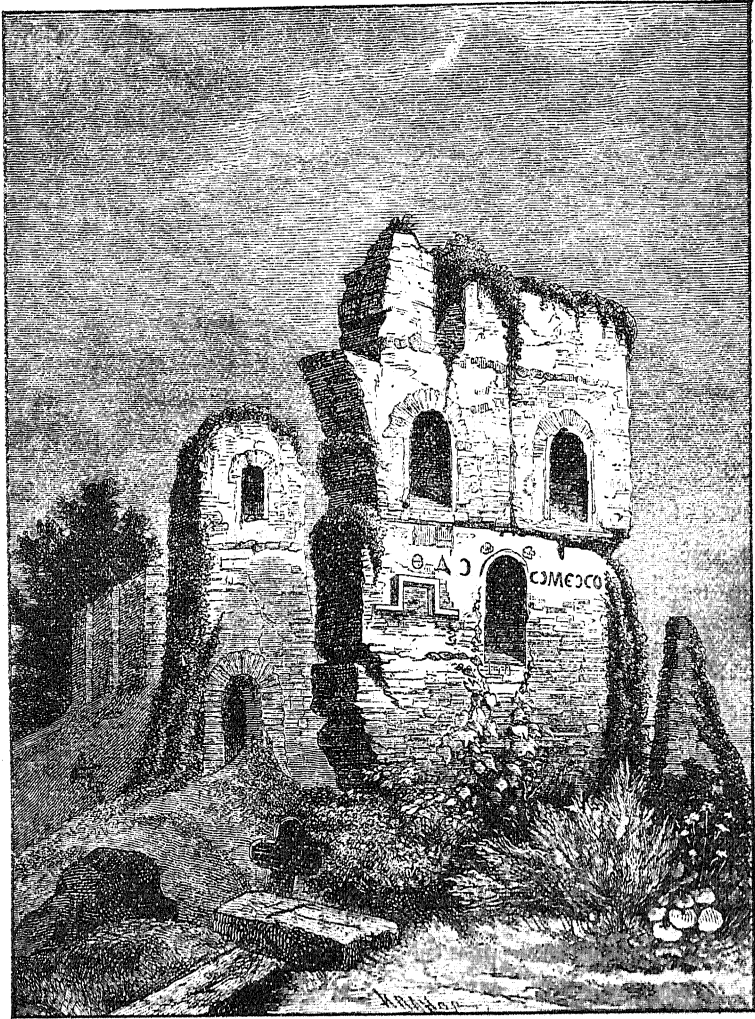
Владиміръ строилъ церкви и монастыри въ Кіевѣ и по другимъ городамъ. Ставились епископы и священники. Въ Кіевѣ, на холмѣ, гдѣ стоялъ Церунъ, Владиміръ построилъ храмъ во имя св. Василія, въ

честь котораго былъ нарѣченъ во святомъ крещеніи. Насажденная Владиміромъ св. православная вѣра требовала такой церкви въ смыслѣ храма, который былъ бы церковью всея Руси и матерью всѣхъ церквей русскихъ, какой являлся послѣ въ Московской Руси нашъ Всероссійскій Успенскій соборъ. Такую церковь во имя Успенія Богоматери, въ годъ крещенія Руси, заложилъ Владиміръ въ Кіевѣ и строилъ ее съ помощью греческихъ зодчихъ пять лѣтъ. Какъ бы поручая крещеную Русь покрову этой церкви, Владиміръ по окончаніи постройки этого храма, молился такъ: „Господи Боже! Призри съ небесе и виждь, и посѣти винограда своего и сверши, яже насади десница Твоя,—новыя люди си, имже обратилъ еси сердце познати Тебѣ, Бога Истиннаго“... Назначивъ на ея содержаніе десятую часть своихъ доходовъ, Владиміръ, по словамъ лѣтописи: „положи написавъ клятву въ церкви сей“.

Съ введеніемъ у насъ христіанства и учрежденіемъ церкви православной связано было начало книжнаго и школьнаго просвѣщенія народа. Вмѣстѣ съ крещеніемъ Руси у насъ появились на родномъ славянскомъ языкѣ грамота и книги Св. Писанія и богослуженія и святоотеческія творенія. Лѣтопись говоритъ, что Владиміръ велѣлъ отбирать дѣтей у лучшихъ (нарочитыхъ) горожанъ и отдавать ихъ въ книжное ученіе по церквамъ къ священникамъ и причтамъ. Но матери плакались по нимъ, какъ по мертвымъ, прибавляетъ лѣтопись, потому что еще не утвердились въ вѣрѣ. Память о книжномъ ученіи при св. Владимірѣ сохранилась и въ былинахъ народныхъ. Одна изъ нихъ говоритъ, какъ учился грамотѣ Добрыня Никитичъ и какъ она ему „въ наукъ пошла“, какъ отъ того онъ сталъ уменъ: онъ крестъ кладетъ по-писанному, а поклонъ по-ученому...

Учредитель книжнаго и школьнаго ученія Владиміръ
былъ у насъ насадителемъ неизвѣстной въ язычествѣ

Развалины Десятинной церкви.

христіанской благотворительности. Его милосердіе къ
нищимъ и убогимъ, можно сказать, было безграничнымъ.
Необычайно щедрый и гостепріимный, „ласковый князь“,
какъ называютъ его наши народныя былины, Владиміръ

въ своемъ великокняжескомъ дворцѣ каждую недѣлю устраивалъ обильные пиры. Лѣтопись говоритъ: „по вся недѣли устави на дворѣ въ гридницѣ (палата, гдѣ собирались гриди—младшая дружина) пиръ творити и приходити боляромъ и гридемъ, и соцькимъ и десятискимъ и нарочитымъ мужемъ при князи и безъ князя; бываше множество отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины (дичь) баше по изобилью отъ всего“. И долго пѣлъ народъ на Руси:

Въ стольномъ городѣ, во Кіевѣ,
Что у ласкова, сударь, князь Владиміра,
А и было пиrowанье, почестный пиръ,
Было столованье, почестный столъ,
Много было князей
И русскихъ могучихъ богатырей.

Особенно были велики пиры у Владиміра по случаю овященія церквей и храмовыхъ праздниковъ. Одинъ изъ такихъ пировъ, по замѣчанію лѣтописи, продолжался 8 дней.

Но оказывая гостепрїимство знатнымъ и богатымъ, Владиміръ Святой едва ли не больше заботъ своихъ посвящалъ маломочнымъ и убогимъ. Лѣтопись говоритъ: „повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжъ и взимати всяку потребу—питье и яденье и отъ скотницы кунами (изъ княжьей казны деньгами). Устрои же и се рекъ: яко немощніи и больніи не могутъ долѣсти (добратъся до) двора моего, повелѣ пристроити кола (возы) и вскладаша хлѣбы, мяса, рыбы, овощъ разноличный, медъ въ бчелкахъ (боченкахъ), а въ другихъ квасъ возити по городу вопрошающимъ: кдѣ больній и нищъ не могы ходити? Тѣмъ раздаваху на потребу“. Митрополитъ Иларіонъ въ похвальномъ словѣ Св. Владиміру говоритъ: „кто исповѣсть многія твоя ношныя

милостыни и дневныя щедроты, яже къ убогимъ творяше, къ сирымъ же и къ болящимъ, къ должнымъ, и къ вдовамъ, и ко всѣмъ требующимъ милости“. Монахъ Іаковъ, написавшій житіе Св. Владиміра, говоритъ: „не могу сказати многія его милостыни: не токмо въ дому своемъ милостыню творяше, но и по всему граду, не въ Кіевѣ единомъ, но по всей Земли Русской,—и въ градѣхъ и въ селѣхъ, вездѣ милостыню творяше, нагія одѣвая, алчныя кормя и жаждныя напаяя, странныя покоя милостію“... При освященіи церковей Владиміръ раздавалъ бѣднымъ огромныя суммы, какъ, напр., по 300 гривень или фунтовъ серебра.

Владиміръ до того сдѣлался кроткимъ, что, боясь пролитія крови, не казнилъ даже разбойниковъ, такъ что они сильно размножились. Даже епископы должны были сказать ему: „ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованіе; тебѣ должно казнить разбойниковъ, только разобравъ дѣло“. Владиміръ послушался и отвергъ виры или денежные штрафы за преступленія. Но потомъ тѣ же епископы вмѣстѣ съ старцами сказали ему: „ратъ теперь сильная; если придется вира, то пусть пойдетъ на оружіе и на коней“. Владиміръ отвѣчалъ: „пустъ будетъ такъ“ и сталъ дѣйствовать опять по устроенію отповскому и дѣдовскому.

Владиміръ Св. является у насъ и законодателемъ: онъ много думалъ съ дружиной своею о строѣ землянемъ, объ уставѣ землянемъ; ему принадлежитъ церковный уставъ, носящій его имя, а также законъ судный. Въ первомъ онъ закликаетъ своихъ преемниковъ блюсти нерушимо постановленія, составленныя имъ на основаніи правилъ Вселенскихъ Соборовъ и законовъ греческихъ царей, Уставъ опредѣляетъ положеніе церкви въ новомъ для нея государствѣ. Церковь на Руси вѣдала въ тѣ времена не одно только дѣло спасенія душъ:

на нее много возлагалось и земныхъ заботъ, близко подходящихъ къ задачамъ государства. Ей предоставленъ былъ судъ по семейнымъ дѣламъ, по нарушеніямъ неприкосновенности и святости храма, о вѣроотступничествѣ, объ оскорбленіяхъ нравственности, о покушеніяхъ на женскую честь. Подъ ея власть было поставлено особое общество, носившее названіе церковниковъ и состоявшее изъ чернаго и бѣлаго духовенства и семей послѣдняго и изъ мірянъ, служившихъ церкви, какъ-то: просвиренъ, лѣкарей, повивальныхъ бабокъ и т. п., и изъ безпріютныхъ и убогихъ, призрѣваемыхъ въ богадѣльняхъ. Законъ судный устанавливаетъ, что всякій обвиняющій долженъ доказать свою жалобу приводомъ свидѣтелей добрыхъ и честныхъ, какимъ бы судья могъ повѣрить. За ложное показаніе на судѣ назначается строгое наказаніе. Установлены здѣсь наказанія и за другія преступленія.

Св. Владиміръ.

Владиміръ оставилъ по себѣ Русской землѣ память градостроителя, „нарубашіемъ городовъ“, какъ говоритъ лѣтопись. Видя, что степные народы дѣлають постоян-

Владиміръ оставилъ по себѣ Русской землѣ память градостроителя, „нарубашіемъ городовъ“, какъ говоритъ лѣтопись. Видя, что степные народы дѣлають постоян-

ныя нападенія на Русь съ востока и юга, онъ сказалъ: „худо, что мало городовъ около Кіева“, и велѣлъ строить города по рѣкамъ Деснѣ, Осетру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ. Рядъ этихъ укрѣпленій онъ соединялъ валами

Монеты Св. Владиміра.

(„Се его злато. Се его серебро“).

и даже частоколами съ особыми воротами и переселялъ въ эти укрѣпленія лучшихъ мужей отъ славянъ новгородскихъ, кривичей, вятичей и чуди. Они составляли охрану русской границы. Въ полоцкой землѣ онъ построилъ городъ Изяславль, въ Червонной Руси Владиміръ Волынский, въ суздальской своимъ становищемъ намѣтилъ—Владиміръ Залѣсскій.

Владиміръ не былъ столь воинственнымъ княземъ, какъ отецъ его Святославъ. Но и въ его княженіе было не мало походовъ. Кромѣ извѣстныхъ вамъ походовъ полоцкаго, корсунскаго и ятвяжскаго, мы должны сказать объ его войнахъ съ польскими королями Мечиславомъ и Болеславомъ Храбрымъ, у коихъ онъ отвоевалъ червенскіе города: Перемышль, Червень и друг., объ усмирении имъ вятичей и радимичей (послѣдніе бѣжали по рѣкѣ Пищанѣ отъ воеводы Владимірова Волчьяго Хвоста, отчего сложилась насмѣшливая пословица: „пищанцы бѣгаютъ отъ волчьяго хвоста“), о погромѣ камскихъ болгаръ, съ которыми заключенъ былъ миръ, пока камень не станетъ плавать, а хмѣль тонуть. Но больше всего предпринималъ Владиміръ походы противъ печенѣговъ. Объ этихъ походахъ сохранились любопытныя сказанія. Приведемъ слѣдующее:

Однажды Владиміръ вышелъ противъ печенѣговъ на рѣку Трубежъ. Оба войска расположились на противоположныхъ берегахъ, не отваживаясь переправляться. Печенѣжскій князь, кликнувъ Владиміра черезъ рѣку, сказалъ: „выпусти своего мужа, а я своего, пусть борются. Если твой мужъ ударить моимъ (о землю), не будемъ воевать три года; если же нашъ ударитъ, будемъ воевать три года“. Послалъ Владиміръ бирюча по стану, выкликать борца, но никто не откликнулся. На другой день печенѣги вывели уже своего борца и издѣвались надъ русскими. Затужилъ Владиміръ, но опять велѣлъ кличь кликнуть. Въ отвѣтъ на это пришелъ къ нему одинъ старикъ и сказалъ: „князь, есть у меня меньшей сынъ дома, а съ четырьмя я пришелъ сюда, а тотъ дома остался; издѣтства еще никому не удавалось ударить его о-земь; однажды я его журилъ, а онъ мялъ кожу: такъ въ сердцахъ онъ разорвалъ ее руками“. Приведенный въ станъ силачъ сказалъ, что не знаетъ, сладить ли онъ съ печенѣгомъ; пусть меня испытуютъ; нѣтъ ли гдѣ быка большого и сильного? Нашли такого и, разъяривъ каленымъ желѣзомъ, пустили мимо силача; тотъ схватилъ его пястью за бокъ и вырвалъ кожу съ мясомъ, сколько могъ захватить рукой. Обрадованный Владиміръ сказалъ: „можешь бороться съ печенѣгомъ“. Противъ него выступилъ огромнаго роста богатырь печенѣжскій и сталъ смѣяться надъ средняго роста русскимъ. Тотъ схватилъ его въ могучія руки, задушилъ его и бросилъ на-земь. Вскрикнули печенѣги и побѣжали, а Владиміръ построилъ городъ и назвалъ его Переяславлемъ, потому что здѣсь русскій переялъ славу у печенѣга. Этотъ русскій богатырь по имени Янь Усмовичъ (швецъ изъ кожи) взять былъ въ княжю дружину вмѣстѣ съ отцомъ своимъ.

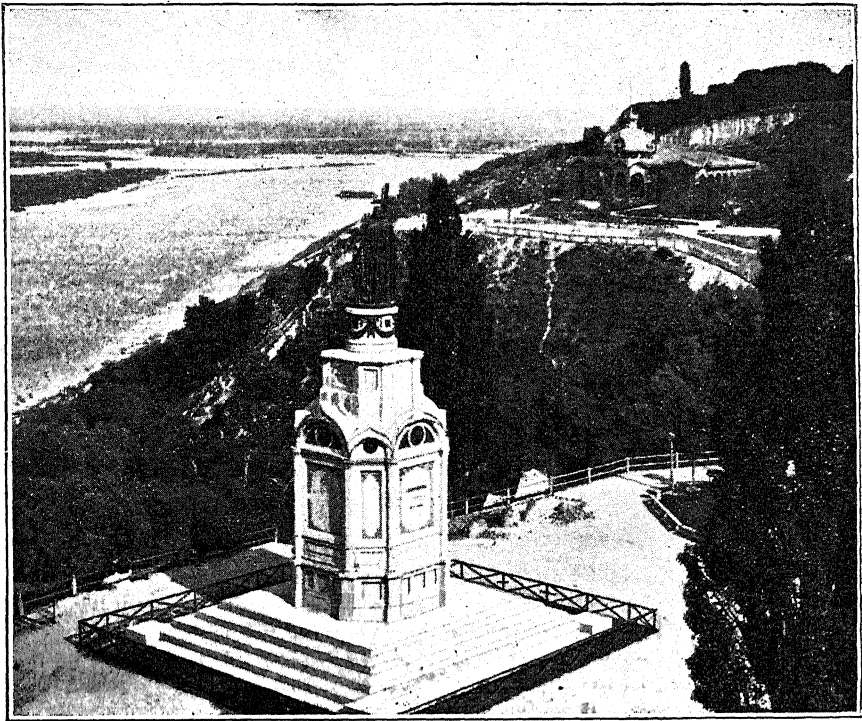
Владиміръ Св. скончался 15 іюля 1015 года, близъ

Кіева, въ любимомъ своемъ селѣ Берестовѣ. Окружающіе вынесли его тѣло не дверями, а проломали полъ и обернули его въ коверъ, на веревкахъ опустили на землю, положили на сани и отвезли въ Кіевъ, гдѣ поставили въ Десятинной церкви. Лишь только вѣсть о кончинѣ его разнеслась по городу, какъ безчисленное множество народа устремилось въ церковь, и начали плакаться по немъ: знатные, какъ о заступникѣ земли своей, убогіе, какъ о кормильцѣ своемъ; положили тѣло въ мраморный гробъ и съ плачемъ похоронили. Святая мощи его донинѣ почиваютъ въ Кіевѣ. Одна кость изъ головы Св. Владиміра была прислана царю Михаилу Ѳеодоровичу Кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилой и хранится въ нашемъ Успенскомъ соборѣ.

Церковь не только причла Владиміра къ лику святыхъ, но и нарекла Равноапостольнымъ, исторія зоветъ его Великимъ, а народъ Краснымъ Солнышкомъ и въ своихъ былинахъ поэтично окружаетъ своего ласковаго стольно-кіевского князя богатырями, какими были бояринъ Добрыня Никитичъ, поповичъ Алеша, крестьянскій сынъ Илья Муромецъ и друг.

„Дивно же есть, колико добра сотворилъ Володиміръ Русьстѣй земли, крестивъ ю“, говоритъ свидѣтельство того времени. Чтобы оцѣнить величайшее его значеніе, вообразимъ себѣ на одну минуту, что было бы, если бы онъ принялъ магометанство и ввелъ его въ Россію! Не только русскій народъ былъ бы не тѣмъ, что онъ есть теперь, но и Россія, соединившись въ вѣтрѣ съ азіатскими народами, составила бы странное султанство въ родѣ турецкаго. Трудно и помыслить, что было бы съ нами, если бы мы 900 лѣтъ тому назадъ приняли еврейство. Но ясно, что было бы съ Россіей, если бы у насъ было введено римское католичество. Латинскимъ, непонятнымъ для народа бого-

служеніемъ оно подавило бы или ослабило нашу славянскую національность; единовѣріемъ оно связало бы, какъ другихъ славянъ: поляковъ, чеховъ и хорватовъ, съ романо-германскими народами и привило бы къ намъ историческіе ихъ недостатки. Внеся къ намъ папское преобладаніе, оно внесло бы въ нашу жизнь борьбу государства съ церковью, столь потрясающую до сегодняшняго дня западъ. Благодареніе Богу, что Владиміръ

Памятникъ св. Владиміру въ Кіевѣ.

Святой принялъ чистое христіанство, въ видѣ восточнаго православія, которое, какъ вы знаете и увидите изъ дальнѣйшей исторіи, является зиждительной силой для нашего народа, для нашего отечества, давая ему дорогіе свято-русскіе идеалы.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стр.

Ч т е н і е I.

Главнѣйшіе признаки современнаго могущества Россіи. — Русская Исторія объясняетъ намъ, какъ возникло и постепенно развилось это могущество. — Особенно благоприятныя условія изученія Исторіи Россіи въ Москвѣ. — Значеніе Московскаго періода Русской Исторіи. 1

Ч т е н і е II.

Начало Русскаго государства. — Государства и народы западной, южной и сѣверной Европы, въ особенности славянскіе — въ пору возникновенія государственной жизни у насъ. — Страна, въ которой образовалось Русское государство. — Ея народы. — Бытъ восточныхъ славянъ. — Сказаніе объ учрежденіи Русскаго государства. 10

Ч т е н і е III.

Что было бы, если бы восточные славяне не основали въ IX вѣкѣ своего государства? — Княженіе Рюрика. — Олегъ, включеніе имъ въ составъ Русскаго государства другихъ восточныхъ славянъ. — Его походъ на Византію и договоры съ греками. — Смерть Олега 22

Ч т е н і е IV.

Игорь, его походы на грековъ и древлянъ. — Смерть его. — Ольга, ея месть древлянамъ. — Путешествіе въ Цареградъ и принятіе христіанства. — Святославъ, его характеръ и войны. — Святославъ въ Болгаріи. — Борьба его съ Іоанномъ Цимисхіемъ и смерть 41

Ч т е н і е V.

Первое столѣтіе государственной жизни нашей. — Владиміръ Святославичъ въ борьбѣ съ своими братьями. — Язычество нашихъ предковъ. — Владиміръ собирается перемѣнить вѣру. — Посольства къ нему отъ разныхъ народовъ съ предложеніями вѣры. — Русскіе послы наблюдаютъ религіи разныхъ народовъ въ ихъ странахъ. — Война съ греками. — Крещеніе Владиміра и кievлянъ. — Перемѣна въ его жизни. — Смерть Св. Владиміра и его историческое значеніе 61

Въ книгѣ 16 рисунковъ и карта.